

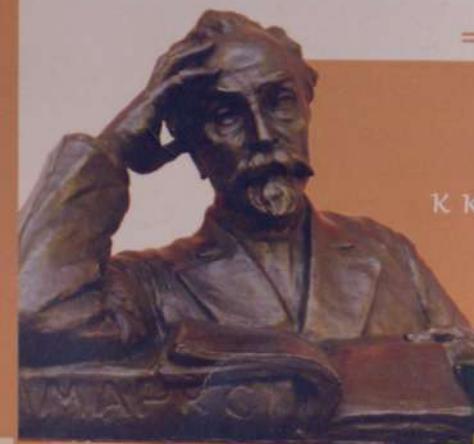
РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ПЛЕХАНОВА
ФОНД ПЛЕХАНОВА

Сборник включает работы участников XI Плехановских чтений, тема которых включена в цикл конференций «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (некоторые аспекты российского общественно-политического движения России» конца XIX — начала XX вв., проводимых Домом Плеханова в 2013—2017 гг.

Авторы анализируют проблемы, связанные с причинами возникновения и результатах завершения Первой мировой войны 1914—1918 гг., стратегическими целями противоборствующих союзов и стран; с отношением политических партий и движений, пацифистских организаций к проблеме участия или неучастия в войне; самоорганизацией гражданского общества и степени влияния общественных объединений на государственную и международную политику того времени.

XI Плехановские чтения

РОССИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ 1914—1918 гг.

Материалы
к конференции
30.05—01.06
2014 г.

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ПЛЕХАНОВА
ФОНД ПЛЕХАНОВА

XI ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

РОССИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

1914—1918 гг.

Материалы к конференции

30 мая — 1 июня 2014 г.

Санкт-Петербург
2014

Научный редактор — Т. И. Филимонова, канд. ист. наук
Научный рецензент — М. Б. Конашев, докт. филос. наук

Сборник включает работы участников XI Плехановских чтений, тема которых включена в цикл конференций «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (некоторые аспекты российского общественно-политического движения России» конца XIX — начала XX вв., проводимых Домом Плеханова в 2013—2017 гг.

Авторы анализируют проблемы, связанные с причинами возникновения и результатах завершения Первой мировой войны 1914—1918 гг., стратегическими целями противоборствующих союзов и стран; с отношением политических партий и движений, пацифистских организаций к проблеме участия или неучастия в войне; самоорганизацией гражданского общества и степени влияния общественных объединений на государственную и международную политику того времени.

Подписано к печати 16.05.2014. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,2. Уч. изд. л. 7,0. Тираж 200. Заказ № 43.

Издательство «Российская национальная библиотека». ОП
191069 Санкт-Петербург, Садовая ул., 18

ISBN 978-5-8192-0470-2 © Российская национальная библиотека
2014 г.

Содержание сборника

Филимонова Т. И. Предисловие	5
Борозняк А. И. Современная германская историография Первой мировой войны.	6
Шульгин В. Н. Трагедия противостояния Запада и Востока — главная предпосылка Великой войны.	12
Kössler R. A truly global war: World War I and the colonial world	19
Любин В. П. Россия и Италия, 1914—1915 гг.	23
Чернобаев А. А. М. Н. Покровский о виновниках Первой мировой войны	27
Хайлова Н. Б. «Вестник Европы» о причинах возникновения и характере Первой мировой войны	34
Шевченко В. Н. Исторический тупик пореформенной России: geopolитическое, экономическое и внутриполитическое измерения.	39
Ханин Г. И. Итоги социально-экономического развития России в последний дореволюционный период	43
Эпштейн Д. Б. О темпах роста душевого ВВП и сельском хозяйстве России в начале XX века.	48
Герд Л. А. Проекты «русского Константинополя» в годы Первой мировой войны	53
Калашников В. В. Как Россия вступила в Первую мировую войну	55
Сакамото Х. Взгляд Г. В. Плеханова на историю Литвы	61
Вашкау Н. Э. Немецкие солдатские письма Первой мировой войны	64
Рудык Э. Н. Первая мировая война и российская социал-демократия: к спору В. И. Ленина с Г. В. Плехановым	68
Стогов Д. И. Эволюция внешнеполитической программы правых организаций в годы Первой мировой войны	72
Кнорринг В. В. Положение жителей оккупированных городов во время Первой мировой войны: к проблеме изучения	76

Куренышев А. А. Русский революционер-террорист о Первой мировой войне. Военные очерки Б. В. Савинкова 1914—1915 гг.	82
Рублев Д. И. Истоки анархистского оборончества в России	88
Сапон В. П. Нижегородские социал-демократы в 1914—1915 гг.: отношение к войне	97
Измозик В. С. Российское общество накануне Второй российской революции 1917—1921 гг. (по материалам перлюстрации)	104
Конашев М. Б. Первая мировая война как прообраз и пролог последней	107
Список авторов	113

«Пока личность не завоевала ... свободы
мужественным усилием философской мысли,
она еще не вполне принадлежит самой себе
и своими собственными нравственными муками
платит позорную дань противостоящей ей внешней необходимости.

Но зато та же личность
родится для новой, полной, до тех пор ей неведомой жизни,
едва только она свергнет с себя иго этого мучительного и постыдного стеснения,
и ее свободная деятельность
явится сознательным и свободным выражением необходимости.

Тогда она становится великой общественной силой,
и тогда уже ничто не может помешать ей и ничто не помешает».

Г. В. Плеханов

Почерпнутая из работы Г. В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории» мысль как нельзя лучше раскрывает смысл девятого тезиса К. Маркса из работы «Тезисы о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Это положение дало название циклу из 4 конференций, которые проводит Дом Плеханова в 2013—2017 гг.¹ Предметом рассмотрения на них являются проблемы социального развития на рубеже XIX—XXI вв. и роль общественно-политических движений в их решении. Основные события названного периода, включившие такие события, как Первая мировая война 1914—1918 гг. и Великая русская революция 1917 года, определили не только вектор развития отдельных государств, но и мировой истории в целом. Не впадая в преувеличения, можно констатировать, что эта эпоха определила смену вех в развитии человечества.

Тема XI Плехановских чтений «Россия в geopolитической ситуации 1914—1918 гг.» может быть исследована и понята в рамках обстоятельств возникновения и социально-политических итогов Первой мировой войны, столетие которой мы отмечаем в этом году.

Эта война, развязанная Германией во имя установления господства над континентом и миром, раскололшая Европу на Запад и Восток, обошлась человечеству в 10 млн жизней, более 20 млн человек осталось искалеченным физически и морально, еще одним из ее итогов стало появление «потерянного поколения». Версальский мир, воспринятый большинством немцев как национальное унижение, породил идею реванша. После подписания Россией сепаратного мира с Германией и

поражения последней началась военная интервенция России странами Антанты. Своими корнями в Первую мировую войну уходит Вторая мировая война 1939—1945 гг., ставшая следствием нежелания стран Европы объединить усилия для обуздания агрессора в 1914—1918 гг.

В представленных к XI Плехановским чтениям материалах рассматриваются вопросы о причинах возникновения и результатах завершения Первой мировой войны 1914—1918 гг., стратегических целях противоборствующих союзов и стран; анализируются аспекты культурно-религиозных различий, проблемы отношений политических партий и движений, пацифистских организаций к проблеме участия или неучастия в войне, уровень самоорганизации гражданского общества и его способность определить ориентиры, признаваемые большинством общества, степень влияния общественных объединений на государственную и международную политику того времени и возможности организации мира на условиях всеобщей безопасности, мера влияния психологического и морального состояния гражданского населения и армии на ход и результаты войны.

Примечания

- ¹ 1. Международная конференция «От Группы «Освобождение труда» к Российской социал-демократической рабочей партии (1883—1903)», посвященная 130-летию со дня образования ГОТ, состоялась 25—26 сентября 2013 г.
2. «Россия в geopolитической ситуации 1914—1918 гг.» — проходит в рамках XI Плехановских чтений 30 мая — 1 июня 2014 г.
3. «Первая мировая война: пролог национальных революций 1914—1920 гг.» — будет организована в сентябре 2016 г.
4. «Великая русская революция 1917 г.: альтернативный проект исторического развития» — завершил названный цикл 30 мая — 1 июня 2017 г. на XII Плехановских чтениях.

Т. И. Филимонова
Дом Плеханова РНБ

СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В течение первого десятилетия существования ФРГ в историческом сознании и в исторической науке доминировал достаточно комфортный для общества тезис о невиновности Германии в развязывании войны 1914 г. Привычно воспроизводилась версия о «вынужденном сползании» вильгельмовской империи в Первую мировую войну. Проблема ответственности немецкой правящей элиты имперского, веймарского и нацистского периодов находилась вне сферы научного обсуждения, что вполне соответствовало духу «холодной войны». Но осенью 1961 г. по апологетическим, казавшимся незыблемыми установкам был нанесен внезапный удар. В респектабельном дюссельдорфском издательстве «Droste» вышла обширная монография профессора Гамбургского университета Фрица Фишера «Рывок к мировому господству».

Почему публикация сугубо научного труда о причинах Первой мировой войны оказалась (по оценке еженедельника «Die Zeit») подобной «удару грома»? Почему монография, посвященная «неактуальному сюжету», неожиданно вызвала полемику, которая — впервые в послевоенной Германии — выплеснулась за пределы сугубо замкнутого профессорского сообщества, заставив высказаться не только ученых и публицистов, но и политиков различного толка, и стала «миной, заложенной под осознание уверенности немцев в собственном благополучии»? Почему книга, трактующая события полувековой давности, оказала столь значительное влияние, прежде всего, на исследование проблематики третьего рейха? Ведь, как писал позднее сам Фишер, проблема взаимосвязи целей агрессивной политики вильгельмовской империи и нацистского режима была «только обозначена в одной фразе предисловия и в одном пассаже в конце книги».

С точки зрения достижений мировой науки, тезис Фишера о вине вильгельмовского рейха за развязывание Первой мировой войны не был принципиально новым. Труд гамбургского профессора не содержал выводов, которые не высказывались бы ранее, например, в работах немецко-американского историка Джорджа Хальгардена, французского ученого Пьера Ренувена или выдающегося советского исследо-

вателя Аркадия Ерусалимского. Новыми были многообразные источники из немецких и зарубежных архивов, введенные Фрицем Фишером в научный оборот (в том числе из фондов германских концернов).

Фишер подвергся в ФРГ самой настоящей травле. Стандартными были выдвинутые со стороны маститых профессоров политические обвинения: в «национальном предательстве» (Перси Эрнст Шрамм), в подготовке «национальной катастрофы» (Теодор Шидер). Герхард Риттер, тогдашний авторитет номер один в исторической науке ФРГ, раньше других понял опасность книги гамбургского профессора. Риттер назвал монографию Фишера «очерняющей немецкое прошлое», предельно «опасной для молодого поколения» и представляющей прямой вызов «всей германской историографии». Впоследствии Риттер признал, что для него в ходе дискуссии «решающий момент был упущен, а общий эффект оказался негативным». В условиях кульмиационной фазы холодной войны (дискуссия о книге Фишера совпала по времени с кризисом вокруг берлинской стены и Карибским кризисом) едва ли не основным пунктом обвинений против Фишера было утверждение, что его выводы совпадают с выводами историков ГДР.

Дело не ограничилось интенсивной критикой Фишера со стороны коллег по историческому цеху. В гонениях активно участвовал председатель бундестага ФРГ Ойген Герстенмайер. Министр обороны Франц Йозеф Штраус, в свою очередь, прямо потребовал «использовать все средства и возможности» в кампании против Фишера и его последователей, будто бы стремившихся к «разрушению западного сообщества, к искажению образа Германии».

Поначалу Фишер оказался в изоляции, в том числе и в родных стенах Гамбургского университета. Из авторитетных ученых на его стороне выступили только политолог Карл Дитрих Брахер и социолог Ральф Дарендорф, а также ученики Фишера — Иммануэль Гейсс и Дирк Штегман. Для Фишера началась новая, непривычная и чрезвычайно сложная жизнь — жизнь человека и ученого, идущего против течения.

В интервью, данном газете «Die Welt», Фишер прямо связывал события 1914—1918 гг. с событиями 1939—1945 гг.: «Страдания и опыт Второй мировой войны обострили наше историческое зрение». Он задавал неудобные вопросы, обращенные к самой широкой публике: «Готовы ли мы, учитывая времененную дистанцию и необходимость

продуманного баланса суждений, извлечь уроки из прошлого Германии?»

Один из бывших учеников Фишера вспоминал много лет спустя: «Никто из этой массы студентов, слушавших его лекции в Гамбурге или в других местах, и не думал о Первой мировой войне или июльском кризисе 1914 г. Все понимали, что у кого-то хватило мужества выступить против истеблишмента и поднять проблему континуитета так, как ее разумели студенты. Мы были сторонниками Фишера, потому что он доводил до бешенства этих старых господ, которые продолжали вести семинары о „демонии власти“, о германском духе, об историческом величии Бисмарка и т. п. На самом деле существование спора относилось к другой войне. Нас волновал вопрос, который не всякий решался задать. Это был вопрос об Освенциме, о том, как все это произошло».

Известный немецко-американский ученый Фриц Штерн с едким сарказмом отзывался о попытках Риттера и его единомышленников трактовать нацистскую диктатуру как «производственную аварию» в ходе вполне благополучной германской истории. Развивая тезисы Фишера, Штерн говорил: «Если признать модель германской истории как „серию несчастных случаев на производстве“, то невольно приходишь к выводу, что с самим этим производством происходило нечто неладное».

Безупречно обоснованные архивными материалами выводы ученого о виновности кайзеровской Германии в развязывании мировой войны 1914 г. возбудили продолжающийся и ныне спор о континуитете, т. е. о преемственности господства немецких хозяйственных и политических элит, об их ответственности за установление гитлеровской диктатуры за Вторую мировую войну. Трудно переоценить этическое значение трудов Фишера в условиях, когда западные немцы вновь ощущали себя невинными жертвами, когда им становилось чуждым ощущение национальной ответственности и национальной вины. В университетских и академических кругах, в массовой прессе Западной Германии развернулась длительная дискуссия, получившая название «контрверза Фишера».

Фишер указывал на настоятельную необходимость «высвободить Гитлера из его изоляции» и «включить его в общий ход развития германского общества». Никому не дано, резюмировал ученый, «исключ-

чить из истории третий рейх и все то, к чему он привел». Благодаря Фишеру в ФРГ была поколеблена монополия консервативной историографии. Он прекрасно понимал, что дискуссия, связанная с его трудами, изменила «традиционную для Германии трактовку прошлого». Его концепция континуитета германских элит открыла дорогу для критических исследовательских школ и направлений.

В современной ФРГ формируется новая мифология, реализуется попытка отвести массовое сознание от постулатов национальной ответственности и национальной вины за развязывание вильгельмовским режимом Первой мировой войны. В немецкий литературный обиход вошел новый термин: «самовиктимизация» от латинского *victim*) — провозглашение себя жертвой.

Под лозунгом «Немцы виновны в Первой мировой войне, но не больше, чем другие» (*«Der Spiegel»*) происходит форменная атака на тезис Фрица Фишера о преимущественной роли кайзеровской Германии в развязывании войны. *«Die Welt»* опубликовала статью, подписанную несколькими немецкими и британскими историками, в которой содержится недвусмысленное утверждение: «Тезис Фишера о целенаправленном стремлении Германии к мировому господству оказался преувеличенным и односторонним... Царившая долгое время трактовка внешней политики германского рейха как воплощения грубости, неуместной силы, агрессивного экспансиизма и постоянных осечек давно уже поставлена под сомнение. Историки в поисках причин войны смотрят уже не только в сторону Берлина, но и в сторону Парижа и Вены, Санкт-Петербурга и Лондона. Вопрос вины был для Германии долгое время центральным. Но германский рейх не был виновен в развязывании Первой мировой войны... В некоторых странах, соседствующих с Германией, все более распространенным становится мнение, что Берлин своей политикой евро ставит жизнь континента в третий раз под угрозу. Но эта позиция неверна с исторической точки зрения и представляет собой опасность в политическом плане. Новые исторические исследования о причинах и ходе войны противоречат представлению о том, что Германский рейх своим стремлением к господству спровоцировал Великобританию, а далее последовали действия союзников по пресечению немецкой жажды власти».

Современные немцы с увлечением читают оперативно переведенную на немецкий язык новую книгу о Первой мировой войне. В ней ав-

стралийский историк Кристофер Кларк выдвигает тезис о том, что германская империя в такой же степени ответственна за развязывание войны, как и Франция, Англия или Россия. Несколько месяцев книга числится в списке бестселлеров, продано больше 100 тысяч экземпляров.

Противники такой версии именуют ее «идеологической инструментализацией войны». «Немецкое правительство стремится навязать остальным европейцам свое видение Первой мировой войны. Но с их точки зрения абсолютно все равно, кто победил, а кто проиграл в войне. И уже совсем недопустимо использование начала войны в 1914 году как инструмент в развитии идеи Европейского Союза... Немцыглядываются на 1914 год и видят в нем начало Европейского союза. Но для большинства других стран Европы Первая мировая война остается тем, чем она всегда и была — катастрофой, унесшей жизни 20 миллионов людей и инициированной немцами... Погружение Первой мировой войны в новый контекст — это противоположность исторического подхода. Это выражение отрицания по отношению к истории. (*«Der Tagesspiegel»*).)

Вслед за ревизией итогов «контроверзы Фишера» идет процесс выработки новых подходов ко Второй мировой войне, прежде всего к войне против СССР. В историографии ФРГ сохраняется (а порой и настойчиво подчеркивается) тезис о том, что советско-германская война была столкновением двух тоталитарных диктатур. Йорг Баберовски, чья книга *«Выжженная земля»* исходит из данного постулата, был удостоен высокой литературной премии на Лейпцигской книжной ярмарке 2012 г. Ведущие германские печатные издания, принадлежащие как к правому, так и к леволиберальному направлениям, выступили при этом с похвальными отзывами. К сожалению, аргументированные критические оценки *«Выжженной земли»*, принадлежащие авторитетным историкам, не вызвали значительного общественного интереса.

«Der Spiegel», обычно безошибочно реагирующий на колебания вектора общественного мнения, утверждал: «Пришло время, когда просто не годится дискутировать только о нацистском терроре, оставляя в стороне собственные беды». Не менее определенно (правда, в форме вопроса) высказался *«Stern»*: ««Или уже прошло время немцев-преступников и наступает время немцев-жертв?». *«Süddeutsche Zeitung»* рассматривала тезис «немцы как жертвы» как «альтернатив-

ный текст или контекст в противовес памяти о Холокосте». Газета задавала резонный вопрос: «Не прошла ли Федеративная Республика ту фазу извлечения уроков из собственного прошлого, которая, начиная с 80-х годов, находится под знаком вины?». Явная тревога слышится в словах Свена Оливера Мюллера: «Неужели немцы вновь впадут в состояние гармоничной амнезии „народа-жертвы“, которое противоречит достижениям исторической науки и критической политической культуры?».

В. Н. Шульгин

ТРАГЕДИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА — ГЛАВНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Существует традиция непрерывно возобновляемой западной небрежелательности к России. Английский поэт-мыслитель Р. Киплинг (1865—1936) далеко не случайно определил, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток и с мест они не сойдут»¹. Либеральная эпоха усвоила этот раскол Европы, углубив его. Обычно исследователи предпочитают рассматривать социально-экономические и международно-политические предпосылки Первой мировой войны. Такой подход представляется недостаточным, поскольку не учитывает цивилизационного раскола Европы.

Этот основополагающий исторический факт, «растянувшийся» на полтора тысячелетия, не менял своей природы. Новое время дало жизнь обмирщённой цивилизации, усвоившей неприязненное отношение папского Запада к Руси-России. Да и сам римо-католический мир остался верен себе. Достаточно пробежать номера газеты «Круа», главного католического органа Франции, чтобы в этом убедиться. Там сегодня демонизируют Россию, считая, что она виновата в происходящем в Малороссии и Новороссии, не говоря ни слова о зверствах бандеровских униатов-католиков на территории исторической Руси в прошлом и настоящем².

С учётом названных обстоятельств исследование природы Первой, Второй мировых войн, затем так называемой «Холодной войны» и т. д. приобретает характер изучения «системного» противоборства главных мировых сил, каждая фаза которого преемственно вытекала из предшествующей. Инициатива «боевой» политики всегда принадле-

жала Западу, Россия, как правило, отбивалась, даже занимая в ходе войн неприятельские столицы. Доискиваясь до начала этого противостояния, мы дойдём до 800 года нашей эры, когда в Риме был коронован Карл Великий, ставший «сепаратным» императором Запада. До этого Римской курией был составлен подложный акт о Константиновом *dare*, «наделявшем» Папу церковной властью во всём Христианском мире и светской властью — на Западе³. Не разбирая оснований возникшего там сепаратистского настроения по отношению к единой Церкви и Империи, преобразованной в IV веке Св. Константином, для наших целей достаточно констатировать его очевидность. Ревность Запада к Востоку, несмотря на священную истину *Ex oriente lux*, предопределила всю последующую европейскую историю, длившуюся в рамках данной парадигмы до сего дня.

Главным доводом Рим выдвинул произвольное положение о «перенесении Империи с греков на германцев папскою властию». Б. Н. Чичерин заметил, имея в виду коронацию 800 года: «Когда римский первосвященник объявил греческих императоров лишенными сана и возложил императорский венец на главу Карла Великого <...> многие могли думать, что папе принадлежит право устанавливать и сменять царей»⁴. Несмотря на противостояние Пап и Германских цезарей, все они совокупно были уверены в правоте притязаний Запада на Империю, произвольно отбирая это законное право у Востока, где Христианство было духовно «заквашено». Юристы Болонской школы, помогая Фридриху I Барбароссе в XIII в. «стали приписывать императору власть или право собственности на всю землю (*dominum mundi*)»⁵.

Очевидно, что при толковании этого, по сути, сепаратизма, папского и императорского, учёные представители романо-германских народов руководствовались неким инстинктом, врождённым настроением «староримского» имперского превосходства. Никаких действительных обоснований они не могли сделать. Папское же «доказательство» Константинова *dara* было вымыслом, хотя простодушные русские монахи- книжники под именем «Вена Константинова» его восприняли, не предполагая, что западные христиане могут лгать⁶. Итак, в основе западных притязаний на мировое господство лежало настроение, унаследованное Западом от языческого Рима. Вновь виртуально явился

Юлий Цезарь во всей своей силе, его окружили ликующие граждане-язычники, восклицающие «Ave Caesar!», забыв «Ave Maria» («Богородице Дево, радуйся...»). Это было намерение осуществить, говоря современным языком, западный «рейдерский захват» Церкви и Империи.

Настроение превосходства и сегодня господствуют на Западе, приросшем Северной Америкой, созданной в XVII—XVIII вв. протестантами. Оно потеряло религиозную окраску, оставив неизменным «силовое» ядро ветхого Рима, *оставляющего побеждённым только глаза, чтобы они плакали*⁷. Запад всегда был склонен снимать с себя ответственность за учнёный им первичный раскол Империи и Церкви⁸. Раскольниками он называет нас. Так, известный историк В. Филипп (1908—1996) в работе об «основных проблемах истории России до 1917 года» пишет, что с XII века «...Россия в своём историческом пути обособилась, отложившись (*zurückgelegt*) от других европейских народов»⁹. Этот кёнигсбергжец, ставший одним из основателей Института по изучению Востока в Свободном университете Берлина, считает Россию, в соответствии с западной интерпретацией, ответственной за раскол Христианского мира.

На Западе языческие «силовые» представления, пересилили христианское чувство единства с Востоком. Истинность этого тезиса можно проиллюстрировать целым рядом примеров из западноевропейской интеллектуальной истории или, говоря шире, из истории культуры. Так, великий Петрарка, первый из увенчанных лавровым венком героя Воздрождения, не нашёл естественных для него, священника, слов сочувствия своим православным братьям, пленённым иноверцами¹⁰. Лоренцо Валла (1407—1457), говоря о красотах латыни также даёт пример западного настроения превосходства¹¹. Пушкин был прав, сказав о грехе неблагодарности совокупного Запада: «...Европа в отношении к России всегда была же столь невежественна, как и неблагодарна»¹².

Нет нужды дальше перечислять примеры западного недоброжелательства по отношению к России, начиная с приписываемой преданием Фридриху I Барбароссе формулировки цели западной экспансии в пределы Славяно-Русского мира (*Drang nach Osten*). Папский Рим благословлял крестовые походы против Руси и России, радовался польской оккупации Москвы в разгар нашей Смуты. Затем были 1812,

1853, 1914, 1941 годы. Всякий раз Запад сплачивал свои силы, бросая их против нас.

Однако в вызревании Великой войны была и доля нашей собственной вины. Петровские реформы, казалось, выдвинули Новую Россию в состав «цивилизованной» Европы, но это была видимость, Запад не считал нас своими, хотя Россия по многим направлениям пошла западным путём. В царствования Александра I и Николая I политическая элита России, главная победительницы Наполеона, не проводила национально-ориентированной политики. Она всё ждала торжества общеверейского христианского братства, не понимая сути первичных западных от него уклонений¹³. Воспитанные по-западному русские считали естественным помогать Австро-Венгрии, Пруссии, затем — Франции. Чувство собственной «отдельности» от Запада покинуло императорские верхи. Запад же не собирался менять своего отношения к русским, чувствуя у них чуждый себе характер, используя, однако, в собственных интересах раскол русской политической и культурной элиты на подражателей и самобытников.

Фрейлина А. Ф. Тютчева, дочь поэта, в своём дневнике 1856 г. возмущалась петербургским правящим классом: «...какое будущее ожидает народ, высшие классы которого <...> совершенно утратили национальное чувство и особенно религиозное сознание...»¹⁴. Подобного рода оценки были типичны у национально-чувствующих деятелей в течение всего предреволюционного века. Поэт А. Блок через шестьдесят лет после Тютчевой, говорившей, что Россия ради «достижения европейской славы» «сбилась с истинного пути», почти теми же словами определил причину падения Империи в Войну и революцию: «Рождённые в года глухие / Пути не помнят своего...»; «Он занесен — сей жезл железный — / Над нашей головой...»¹⁵.

Война вызревала именно на Западе. Наш союз с Немецким миром изжил себя уже ко времени Крымской войны (1853—1856), что и показал тогда враждебный «нейтралитет» Австро-Венгрии и своекорыстная политика Пруссии. Возобновлённая Германская империя после выдающейся победы над Францией 1870 г. поставила своей целью захватование новых пространств Востока. Во время назревания и хода Первой мировой войны откровенные признания на сей счёт сделал немецкий идеолог агрессии протестантский пастор Ф. Науманн, которого весьма чтут в современной Германии. В известном программном со-

чинении «Mittel-Europa», ставшем бестселлером в 1915 г., Науманн бо́готворил войну, ставшую, по его мнению «творческой» силой. Он писал, что в Германии «всегда» жила «в умах правительства и народа» идея «войны на Востоке»¹⁶.

Немецкая русофobia была фактором германской политики. Она возросла после русской победы 1812 года и освобождения Германии в 1813—1814 гг. Целый ряд наблюдателей фиксировал растущую угрозу, в частности, Ф. М. Достоевский. Он вспоминал, как победа над Францией 1870 года вскружила голову немцам, чему он был свидетелем в Дрездене: «...они до того тогда восторжествовали, что принялись оскорблять русских <...> даже лавочник <...> старался ввернуть: «вот мы покончили с французами, а теперь примемся за вас». И это, несмотря на помощь России, оказанную Пруссии! Писатель прибавлял: «...ожесточение против русских даже мне показалось тогда удивительным». Снова, оказавшись в Германии в 1876 г., Достоевский отметил эскалацию ненависти: «...большинство немецких газет наполнено теперь самыми яростными выходками против России»¹⁷. Всплеск ярости прессы удивительным образом совпал с «дружественными» встречами трёх «союзных» императоров, русского, германского и австрийского.

Германия и Австро-Венгрия явно стремились к доминированию. Австрийцы задолго до 1914 г. приступили к насаждению украинского сепаратизма и обработке посредством своей агентуры «украинствующей» интеллигенции. Так, ими и их адептами была создана «теория» о «русской неполноценности» в сравнении с «чистыми украинцами»¹⁸. Австрийский генштаб стремился «подготовить» успех на будущем театре военных действий, постаравшись расколоть единую русскую нацию, противопоставив малороссов русским.

Новая немецкая Империя внимательно следила за модернизацией России, связанной с деятельностью П. А. Столыпина. Немцы торопились начать войну до завершения перестройки русской деревни на новых социальных началах, опасаясь, как они полагали, катастрофического усиления России. Рост немецкой воинственности фиксировали очевидцы. Характерны, например, воспоминания генерала А. А. Брусицова. Он был свидетелем разыгрывающегося игрового штурма московского Кремля, который был устроен в Бад-Киссингене, летом 1914 года для подъёма духа немцев перед самым началом войны. Это было

что-то вроде всенародного праздника типичного для Германии. Брусицов заключал: «Было ясно, что Германия не позволит нам развить свои силы до надлежащего предела и поспешит начать войну, которая, по её убеждению, должна была <...> дать ей гегемонию над всем миром»¹⁹. Оценка была верной.

Да и в Антанте, с участием России, никакого «сердечного согласия» не было. Англичане и французы не хотели усиления России. Запад ликовал, узнав об отречении Николая II. Нашу Империю не спасло господствовавшее у политической элиты западничество. Запад, с одной стороны, прекрасно понимал противоестественность «европейничанья» русских сановников, вроде ключевого министра А. П. Извольского, которые, конечно, не могли изменить национальный характер россиян. С другой стороны, уклонение Запада от сути Христианства привело его к забвению основополагающей идеи Соборности, что породило непрерывную череду агрессивных выпадов против России.

Итак, первоистоком войны, начатой в 1914 г. стал религиозный раскол, приведший в 1054 г. к окончательному выходу Запада из единой Церкви. Мы и сами утратили Царство (Христианскую империю) из-за непонимания национальной специфики России нашим дореволюционным политическим классом. После революции подобный цикл «забвения собственных начал» повторился «по спирали», закончившись аналогичным результатом 1991 года. Россия должна, наконец, извлечь главный для себя исторический урок, вернувшись к самой себе. Вместе с Н. М. Карамзиным и А. С. Пушкиным политики и деятели культуры должны восславить *самобытную* Россию, сделав её мерилом всего в политике и жизни.

Примечания

¹ Эта строка стихотворения «Баллада о Востоке и Западе», в котором речь идёт о противоборстве Запада и Мусульманского мира. Тем не менее, известно, что отношение западных народов к России было в целом даже хуже, поскольку наша империя воспринималась как главный geopolитический конкурент в борьбе за Восток. Более того, Запад был всегда склонен к заключению союзов со странами Мусульманского мира ради совместного с ними противостояния России.

² См., напр.: *Quénelle B. Quel est l'objectif de Moscou en Ukraine? // La Croix.* 13.04.2014.

³ См.: Валла Л. Рассуждение о подложности так называемой Дарственной грамоты Константина // Итальянские гуманисты о церкви и религии. М., 1963.

⁴ Цит. по: Чичерин Б. Н. История политических учений. Том 1. СПб., 2006. С. 143 (выделено мною — В. Ш.).

⁵ Там же. С. 155.

⁶ Очевидно, монахам-летописцам, воспринимавшим церковный текст как отчёт перед Богом, и в голову не могло прийти, что Царский акт можно сфальсифицировать где-нибудь в монастыре, пусть латинском. Принцип «цель оправдывает средство» задолго до появления иезуитов стал применяться на Западе.

⁷ Высказывание князя О. фон Бисмарка, «железом и кровью» объединившего новую Германию.

⁸ См. политические статьи Ф. И. Тютчева, «Россия и Запад» и др.— Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма в 6 томах. Т. 3. М., 2003. С. 75—94; 179—200. См. также: Шульгин В. Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX в. СПб., 2009. С. 315—360.

⁹ Philipp, Werner. Grundfragen der Geschichte Rußlands bis 1917 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte: Historische Veröffentlichungen / Osteuropa-Institut an den Freien Universität Berlin. Wiesbaden: Harrassowitz, 1983. Bd. 33. S. 1.

¹⁰ Так, Ф. Петрапка (1304—1374) в 1367 г. направил архиепископу Генуи письмо, высказав суждение о русских невольниках, во множестве приобретавшихся итальянскими купцами на рынках Оттоманской империи. Он возмущался: «...некончаемая вереница подневольного люда того и другого пола омрачает этот прекраснейший город скифскими чертами лица и беспорядочным разбродом, словно мутный поток чистейшую реку». Он назвал наших предков «бесславным племенем», желая, чтобы оно оставалось «в глубине своей Скифии вместе с худою и бледною Нуждой среди каменистого поля, где её (Нужду) поместил [Публий Овидий] Назон, зубами и ногтями рвало бы скучные растения». Цит. по: Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы. М., 1989. С. 159.

¹¹ В его «Элеганциях» («Красотах латинского языка») читаем: «...наши соотечественники превзошли всех остальных мощью не только своей державы, но и своего языка». Валла неправомерно поставил греков, учителей римлян, на низшее место. Православных же славян с их священным церковным языком, вобравшем в себя дух классической Греции, благодаря святым Кириллу и Мефодию, он не заметил.— См.: Валла Л. Элеганции // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век).— М., 1985. С. 121 (выделено мною — В. Ш.). Пушкин же заметил: «...язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими <...> древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, ве-

личественное течение речи...».— Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) // Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 7. С. 27 (выделено мною — В. Ш.).

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 7. М., 1964. С. 306.

¹³ Ю. Ф. Самарин был тревогу: «Российское государство и русская земля, правительство и народ, так давно и так далеко разошлись друг с другом, что теперь они как будто раззнакомились; народ разучился понимать правительство, правительство отвыкло говорить языком, для народа понятным». Но славяно-филов и почвенников верхи традиционно не слышали к великому удовольствию Запада.— См.: Самарин Ю. Ф. Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1997. С. 81 (цитирована знаменитая работа 1856 г. «Чему должны мы научиться», долго бывшая потаённой из-за цензурного запрета).

¹⁴ Тютчев А. Ф. При дворе двух императоров. М., 2000. С. 258.

¹⁵ Ср.: Там же. С. 203, 204; Блок А. А. Лирика. М., 1964. С. 210—211 (цитаты из двух стихотворений 1914 года).

¹⁶ Naumann Friedrich. Central Europe. New York, 1917. P. 4, 9. В нем. переводе издана в 1915 г.

¹⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 23. Л., 1981. С. 60—61.

¹⁸ Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 2007. С. 213—279.

¹⁹ Брусилов А. А. Воспоминания. М., 1963. С. 58.

R. Kössler

A TRULY GLOBAL WAR: WORLD WAR I AND THE COLONIAL WORLD

The colonial dimension is one of the under-rated and neglected aspects of World War I. The proposed paper will deal with this important issue in two broad parts. In a first section, an overview will be given about the scope of colonial implications and involvement in World War I. The second section will provide a close-up on the situation Southern African theatre of war. Apart from taking note of events that are not generally viewed in connection with a vision focused on Europe, this account will then provide a backdrop to a very important outcome of the war, namely the mode of transfer of colonial possessions under the League of Nations Mandate system. This will be dealt with as a trajectory pointing to important developments of the 20th century beyond the end of the war itself. Again, a brief look at the practice of national self-determination after the October Revo-

lution will pose the question of alternatives to the course of action pursued in Versailles.

The beginning of World War I fell into a period when most of the world outside Europe and North America was partitioned into territories that were either formally colonised by one of the eleven powers with colonial possessions, or fell into spheres of influence that had been defined by them. The first case applied to Africa outside Ethiopia and Liberia, to South and Southeast Asia and the Pacific as well as to Central Asia, while China and Persia (Iran) had been formally divided into spheres of influence and more informal arrangements applied to Latin America. This situation had come about as a result of massive expansion of formal colonial empires during the last third of the 19th century which continued into the beginning of the 20th century. This expansion was predicated on discriminatory practices in terms of international law, where foreign powers, laying claim to the epithet of being 'civilised' negotiated over and decided on the fate of territories and populations to whom such a dignity was explicitly denied. This denial implied important legal claims, i. a. the right to occupy areas that were deemed 'no man's land' (*terra nullius*) and the refusal to observe rules of war that had been set up amongst 'civilised' nations (*ius in bello*) in case of violent confrontations with the colonised, in particular in the form of anti-colonial resistance. One important backdrop of this paper concerns the fact that the celebrated 40 years of peace that pertained in most of Europe after the German-French war of 1870/71 were in fact marked by a host of greater and minor wars or low-intensity conflicts in the colonial sphere, including horrific massacres and even genocide. There is some debate about a backlash of these practices into metropolitan Europe after the beginning of war in 1914.

At first sight at least, most of the military campaigns that set in after the beginning of the war in Europe were regionally limited to the German colonies that were scattered over Western, Eastern and Southern Africa and the Pacific, with the addition of the port city of Kiaochow (Tsingtao) and control of the neighbouring province of Shandong as the German sphere of influence in China. All these German colonies were occupied rather quickly by forces of Entente powers and their allies, i. e., Britain, France, Japan, Australia, New Zealand and South Africa. One important exception was German East Africa — today's mainland Tanzania, with the addition of Rwanda and Burundi. Here as well, the German colonial army was dis-

lodged rather quickly, but went on to stage a guerilla war that covered a huge area in the region and cost many thousands of lives. The troops capitulated only weeks after the armistice in 1918.

Another dimension concerns the mobilisation of personnel, both as outright military formations and as labour power, to beef up the front particularly in France and Belgium. The use of 'coloured' soldiers particularly in the French army was made use of by the German war propaganda; after the German defeat and French occupation of regions along the river Rhine, this propaganda was converted into the racist trope of 'Rhineland bastards', a topic that was taken up vigorously again during Nazi rule and in World War II. Deployment of these troops in Europe had a corollary in frequently violent recruitment practices in the colonies, but also relied on institutionalised practices and well-established colonial armies. Again, soldiers from the colonies, mainly Africans met quite diverse fates when they became prisoners of war, mainly in Germany. This ranged from more brutish discrimination to various ways of making use of them, not least as objects of scientific, particularly linguistic study. A much lesser known dimension concerns the recruitment of labourers from China and other parts of the Far East. Frequently, they found themselves deployed in dangerous spots close to the front and regimented in quasi-military fashion. An intriguing perspective is the role of some workers from the Far East who went on to lobby — very ineffectively — the Versailles conference and in some cases, most prominently Nguyen Ai Quoc (Ho Chi Minh), became important leaders in national liberation movements under Communist hegemony.

Taking a closer look at a region seemingly far removed from the decisive fighting, Southern Africa, World War I takes on a de-centred perspective that still is quite illuminating. Basically, the fighting revolved around the military occupation of German South-West Africa (today Namibia) by South African troops, which was consummated by German capitulation in August 1915. However, the South African advance was preceded by a brief attempt by Afrikaners (Boers) to stage a military rising within South Africa. Barely 11 years after the close of the South African war and the defeat of the Boer Republics, four years after the formation of the Union of South Africa, this was a serious challenge, as it relied on the vicinity of a warring power in the German colony. The episode certainly added to the resolve of the South African government of the day to occupy and eventually annex South-West Africa. Moreover, at the time, this expansion was part and parcel of a much

grander design at something like a regional empire, to encompass Southern Africa up to the Zambezi and possibly beyond. The deployment of South African troops in the East African campaign falls into this pattern. Eventually, South African territorial expansion was limited to South-West Africa and this was formalised under the Versailles Treaty as a "C"-Mandate of the League of Nations. In this particular case, the result was the succession of one system of settler colonialism by another, structurally very similar one. This arrangement ushered in an experience of prolonged colonial rule which ended only with Namibian independence in 1990. For the period of the occupation and also for the first years of the mandate, it can be shown how this change of colonial powers militated against clearly articulated wishes of the colonised, linked to projections of the more benign consequences of the arrival of the 'Englishman' as opposed to German rule. Moreover, South African occupation also initiated a drive for more systematic subjugation of regions that had not been subjected to effective colonial control under German rule up to 1914.

In this way, the Namibian experience can be seen as a telling paradigm of the Mandate system which enshrined the territorial outcomes of World War I in the colonial sphere. To be sure, the Mandate system did not only encompass all German colonies with the exception of Kiaochau. This port, along with the German sphere of influence was allotted to Japan, a main trigger for the seminal May 4th (1919) movement in China. Mandates were also carved out of former provinces of the Ottoman Empire and turned over to France and Britain respectively. In this way, the Mandate system was one of the main instruments to deny the right to national self-determination that had been proclaimed as one of the main principles of the post-war settlement to people outside Europe. This approach went along with the unquestioning holding on by the victorious powers to their own colonies and thereby marked the high tide of colonial occupation, since formerly Ottoman territories had now been added to the formal colonial sphere (over and above informal empire). The carving out and set-up of individual mandates, such as Palestine, but also Namibia, mark important turning points for conflicts that shaped much of the respective regional dynamics for the following decades, and up to today.

Finally, it may be noted that a seemingly different approach to the issue of national self-determination was enacted not only as a temporal parallel to Versailles, but also as a clearly competing model in the policies of the

Bolsheviks in relation to the 'national question' in the former Tsarist empire. Especially by contemporaries, this has been commented on more in relation to the problems in the Western than those in the Eastern regions. But there was an explicit Eastern strategy which referred to efforts of national reconstruction under the assumed principle of self-determination. While this important experience would warrant separate study, it should be factored into the attempt to be undertaken here, namely to give an idea about the meaning of the colonial sphere for World War I and the impact of that war on regions of Asia and Africa that are usually — but unjustly — not considered in this connection.

В. П. Любин

РОССИЯ И ИТАЛИЯ, 1914—1915 гг.

Первая мировая война продолжает привлекать внимание отечественных и зарубежных исследователей. Особенно много работ появилось в последнее время в связи с отмечавшимся историками и широкой общественностью в странах-участницах, прежде всего, европейских, столетним юбилеем начала войны.

Не стала исключением и Италия, вступившая в войну не так, как другие великие европейские державы в начале августа 1914 г., а позднее¹.

Страна начала воевать с Австро-Венгрией 23 мая 1915 г. после того, как пережила острую политическую борьбу периода нейтралитета, о котором заявила в августе 1914 г.

В конце периода нейтралитета страна вышла из Тройственного союза, в котором состояла с момента его создания в 1882 г., и примкнула к Антанте, на стороне которой она воевала затем до окончания войны в ноябре 1918 г. Война была поначалу объявлена Италией только Австро-Венгрии (Германии — лишь в 1916 г.). Италия была намерена в случае победы по результатам войны отобрать у австрийцев территории, на которых, как утверждалось в тогдашних итальянских средствах массовой информации, в большинстве своем проживали итальянцы².

Большую роль в формировании позиций Италии играла Россия. Сразу же после начала войны она вместе с Англией и Францией вели интенсивные переговоры с итальянцами. Они завершились подписа-

нием 26 апреля 1915 г. Лондонского договора об условиях участия Италии в войне на стороне Антанты и будущих территориальных компенсациях. (Интересно отметить, что публикация пришедшиими к власти в Петрограде в 1917 г. большевиками полного текста Лондонского договора, как и других такого же рода секретных дипломатических документов, во время продолжавшейся войны стала крепкой пощечиной бюрократическому миру международной дипломатии и задолго предварила нынешние скандалы с «Викиликс» или Р. Сноуденом).

Тематика сотрудничества России и Италии в начале XX в., а также дипломатического торга итальянцев со странами Антанты, и, в первую очередь, с Россией в 1914—1915 гг., наряду с анализом других важных проблем, была рассмотрена в моей кандидатской диссертации 1977 г. опубликованной в качестве монографии в 1982 г.³. Основными темами, освещенными в монографии, были внутренняя и внешняя политика, дипломатические усилия Италии в указанный период, предательство своих товарищей социалистов будущим фашистским диктатором Муссолини и его попытки получить от царского правительства миллионы французских франков для организации провокации на итало-австро-итальянской границе с целью ускорения вступления Италии в войну на стороне Антанты⁴, борьба нейтралитетов и интервентистов, ставших предшественниками будущих фашистов, глубокий социально-политический кризис в стране и крах созданного в 1861 г. объединенного итальянского «либерального государства» (у власти вплоть до 1922 г. непрерывно находились представители то правых, то левых либералов), в послевоенные годы уничтоженного пришедшим к власти фашизмом, правившим в 1922—1943 гг.

Созданное в 1861 г. в результате объединения веками разделенных итальянских земель Королевство Италия подошло к Первой мировой войне в разгар начатых долго находившимся у власти Дж. Джолитти внутриполитических реформ, призванных поменять то, что выстраивалось в молодой стране на протяжении более полувека⁵. Во внешней политике монархия придерживалась курса, начатого с созданием Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии в 1882 г.

Российская империя подошла к войне после значительных событий в истории государства в начале XX века: русско-японская война, революция 1905—1907 гг., начало демократизации политической и общественной жизни, деятельность Государственной Думы первых созы-

вов. Во внешней политике Россия придерживалась курса на пребывание в блоке Антанты, совместно с Францией и Англией.

К началу войны Италия и Россия оказались в противоположных военно-политических блоках. Для России было ясно, на чьей стороне воевать в случае *casus belli*, возникшего в августе 1914 г. Для Италии, ввиду её внешнеполитических манёвров кануна войны и постепенного отхода от политики следования в фарватере Германии и Австро-Венгрии, вопрос о том, на чьей стороне воевать, остро встал в первые дни войны.

Зная, что страна не готова к началу военных действий, итальянское правительство избрало путь нейтралитета. Развернувшаяся в стране остройшая борьба «нейтралитотов» и «интервентистов» в период нейтралитета 1914—1915 гг. перевернула всю политическую жизнь Италии и имела далеко идущие последствия для исторического развития страны, попавшей после войны под диктатуру фашизма. В мае 1915 г. победила «партия войны», интервентисты, Италия вышла из Тройственного союза и вступила в войну на стороне Антанты.

Россия не выдержала напряжения войны, в стране произошли Февральская и Октябрьская революции 1917 г., распалась Российская империя, разразилась гражданская война, в результате произошли огромные изменения, была установлена иная общественная система. Все это не могло не подействовать на отношения с другими странами, в том числе и с Италией, взаимосвязи претерпели существенные изменения.

Самой Италии война, целью которой было и территориальное присоединение за счет принадлежавших Австро-Венгрии земель — Трентино и Триеста, — принесла неисчислимые потери. После войны итальянцы чувствовали себя «побежденными среди победителей». Внутриполитическая ситуация в послевоенные «красное» и «чёрное» двухлетия 1919—1922 гг. оставалась сверхнапряженной, страна была близка к революции⁶.

Важным фактором итальянской политики оставалось выстраивание отношений с европейскими соседями, великими державами, в их число входила и Россия. Российская дипломатия в предвоенный период немало сделала для укрепления дружественных отношений России со страной противоположного блока. Благодаря отчасти и этому, Италия после многих месяцев нейтралитета встала на сторону Антанты. Многочисленные документы Архива внешней политики Российской

империи, а также других российских, как и итальянских, архивов, прежде всего, Центрального государственного архива, предоставляют достаточно свидетельств, подтверждающих высказанное положение. Недостаток предоставленного 5-страничного пространства для данных тезисов не позволяет процитировать хотя бы несколько таких документов, что может быть исправлено в устном выступлении на нашей конференции.

В моем докладе отражено развитие российско-итальянских отношений в предвоенный период и, более всего, в месяцы итальянского нейтралитета и, кратко далее, в последующие годы военного сотрудничества, синхронизации усилий на фронтах и братской взаимопомощи. Особое внимание уделено деятельности дипломатии обеих стран по укреплению и развитию политических, экономических, военных взаимосвязей. Используются документы архивов, учитываются прежние достижения национальных историографий в освещении тематики участия России и Италии и их взаимодействия в Первой мировой войне. Дан обзор как новой исторической литературы, так и прошлых конференций российских и итальянских историков, проводившихся в 1960—1980-е годы попеременно в СССР и Италии, в центре внимания которых часто были проблемы войны и её последствий, оказавших глубокое воздействие на обе страны на протяжении последнего столетия.

Выводы из этих источников и специализированной литературы могут быть следующими. Россия и Италия в 1914—1915 гг. вступили как союзники по лагерю Антанты в новое, более тесное и плодотворное сотрудничество в сравнении с существовавшим и успешно развивавшимся сотрудничеством первых лет XX века. Боевое братство времен Первой мировой войны заложило основу последующего развития отношений в XX веке. Исключая период правления фашизма и, в особенности, военного противоборства Советского Союза и фашистской Италии, участвовавшей в 1941—1943 гг. в военных действиях на территории СССР в качестве союзницы нацистской Германии, в остальные годы XX и начала XXI века Италия придерживалась и придерживается дружественного курса в экономических, политических, дипломатических отношениях с СССР и, позднее, новой Россией⁷. Большую роль при этом играл заложенный в ходе Первой мировой войны фундамент для таких, особого рода, деловых, уважительных и добрососедских

отношений, сохранившихся даже в годы «холодной войны», когда страны оказались в разных блоках. Российско-итальянские отношения XX—XXI вв. являли и являются собой положительный пример в условиях разделенных блоковым противостоянием Европы и мира⁸.

Примечания

¹ См., например: Gentile E. Due colpi di pistola, dieci milioni di morti, la fine di un mondo. Storia illustrata della Grande Guerra. Roma-Bari: Laterza, 2014.—227 p.

² Позднее историки оспорили это утверждение официальной итальянской пропаганды. См.: Любин В. П. Италия в борьбе за «ненасильственные земли» // Новая и новейшая история. М., 2011. № 3. С. 27—34.

³ Любин В. П. Италия накануне вступления в первую мировую войну. На пути к крушению либерального государства. М.: Наука, 1982. 192 с.

⁴ Подробнее об этом говорится в ряде моих работ, см. , например: Любин В. П. Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники, 1892—2006 гг. М.: Наука, 2007. С. 151—195, а также в статье «Муссолини» в выходящей летом 2014 г. «Энциклопедии Первой мировой войны». М.: Весь мир, 2014.

⁵ О результатах этого «выстраивания» см. интересную аналитическую работу М. А. Осоргина «Очерки современной Италии». М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев, 1913 г. 260 с. К столетию выхода в свет данной книги опубликована моя статья с анализом содержания «итальянских» размышлений автора, см. Любин В. П. «Очерки» загостившегося поклонника // «Вышгород», Таллин, 2013. № 4—5. С. 180—198.

⁶ См.: Любин В. П. Социалисты..., цит. С. 196—259.

⁷ См. специальный раздел в журнале «Родина», посвященный 150-летию Италии: Родина. М., 2011. № 4. С. 109—161.

⁸ Недавно вышла в свет посвященная в том числе и развитию российско-итальянских отношений последних десятилетий коллективная монография, в которой опубликованы три главы, написанные автором данного доклада. См.: На перекрестке Средиземноморья. «Итальянский сапог» перед вызовами XXI-го века. М.: Весь мир, 2011.—449 с.

A. A. Чернобаев

М. Н. ПОКРОВСКИЙ О ВИНОВНИКАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М. Н. Покровский — выдающийся русский (советский) историк и политический деятель, академик АН СССР (1929) — был современником Первой мировой войны. Ее предпосылки, виновники, ход и по-

следствия нашли широкое отражение в его творчестве. Многие оценки и выводы ученого представляют несомненный интерес и сегодня, когда во всем мире широко отмечается столетие начала этой воистину первой в мировой истории столь масштабной войны, в орбиту которой оказались втянутыми миллионы людей и с которой связаны невиданные до нее жертвы и разрушения.

Обращение к трудам Покровского, к его размышлениям о событиях 1914—1918 гг. считаю необходимым и по другой причине. Дело в том, что они отражают определенный этап в развитии российской историографии, игнорировать который нецелесообразно. Между тем, даже в одном из лучших исследований по данной теме последних лет — первой книге «Война и общество в XX веке»¹ — работам Покровского, острым дискуссиям в советской и зарубежной исторической литературе, связанным с оценкой виновников войны, по сути, не уделено никакого внимания, даны лишь две малозначащие ссылки на сборник его статей «Империалистская война».

Напомню основные вехи жизни и деятельности Покровского в годы Первой мировой войны². Все это время, вплоть до отъезда в Россию в августе 1917 г., Михаил Николаевич и его семья жили во Франции³. Лишь в сентябре 1914 г. они ненадолго оказались на севере Испании, в небольшом городке Фонтарабио, что было связано с опасением оккупации Парижа немцами. Однако в новых условиях Покровский практически не имел возможности работать и через два месяца сумел получить пропуск на возвращение в пригород Парижа, Со, где семья снимала квартиру.

Сразу после начала войны Покровский занял интернационалистскую позицию, выступил против той волны национализма и шовинизма, который буквально захлестнул страны Антанты и их противников⁴. И это не случайно, к этому он был подготовлен всей своей предшествующей политической и научной деятельностью. Так, уже в статьях- очерках своей девятитомной «Истории России в XIX веке», выпускавшейся издательством братьев А. Н. и И. Н. Гранат, ученый, исследовав внутреннюю и внешнюю политику царского правительства конца XVIII—XIX вв., Крымскую войну, действия России на Кавказе и в Средней Азии, международные отношения того периода, на обширном конкретно-историческом материале показал агрессивный

характер политики как российских, так и западноевропейских господствующих классов⁵.

Ясное понимание Покровским захватнических целей противостоящих военных группировок — стран Антанты и Троиценно-го (затем Четвертного) союза — позволило ему еще до начала войны неоднократно выступать с предостережением против милитаристского угла и надвигающегося кровопролития. За это его резко критиковали политические противники, в том числе многие социалисты. В 1924 г. Михаил Николаевич вспоминал, что когда накануне европейской войны в своих статьях и выступлениях он стал проводить идею, что она неизбежна, что мир вступает в полосу войн, то меньшевики с жаром обрушились на него. Они утверждали, что такая точка зрения совершенно немарксистская, что стыдно поддаваться рекламе пушечных заводчиков. Но вот война разразилась, и эти люди были буквально раздавлены. Они не знали, ни что им делать, ни что сказать. Вскоре, однако, оппортунисты «прозрели» и встали на позиции поддержки «своих» правительств⁶.

К истории Первой мировой войны, анализу ее причин и характера Покровский неоднократно обращался как до революции, так и в советский период. Его работы по этой теме нашли отражение в двух прижизненных изданиях книги «Империалистская война» (1928 и 1931 гг.) и в третьем издании, выпущенном Книжным домом «ЛИБРОКОМ» в 2010 г. Не имея возможности в настоящем материале подробно рассмотреть все аспекты анализа Покровским данной проблемы, кратко остановлюсь лишь на одном из них, имеющим, на мой взгляд, важное значение: кто явился виновником войны⁷.

Анализируя вопрос о виновниках войны 1914—1918 гг., Покровский на основании доступных ему в то время документальных источников утверждал, что это была, прежде всего, война между Англией и Германией, «по отношению к англо-германскому конфликту все остальное было второстепенными подробностями»⁸. Совершеннейшим вздором считал он высказывавшуюся рядом авторов точку зрения, что в войне «виноваты» Австро-Венгрия и Россия: Германия, дескать, «не досмотрела за Австро-Венгрией, Англия за Россией, все остальное сделала «автоматическая игра союзов»⁹.

Покровский, ссылаясь на слова Ленина о том, что нелепо отделять глухой стеной внешнюю политику от внутренней, особо подчеркивал,

что и та, и другая «творятся одним и тем же классом: и только классовый анализ поможет нам вскрыть действительного виновника не только этой, но и будущих империалистических войн: ибо за исключение одной нашей страны, руководящие классы везде остались те же»¹⁰. связи с этим историк делал важный вывод: «Изучение причин войны 1914 года бросает яркий свет на приемы и методы империалистической дипломатии вообще — здесь больше чем где-либо можно “прошедшему заключить о будущем”»¹¹.

Политическая и дипломатическая подготовка к войне, писал Покровский, началась задолго до нее: «Две трети той комбинации действий, которая стала против Германии и Австрии в 1914—1918 годах, была уже готова к 1904 году... После англо-русского соглашения 1902 года антигерманская коалиция вполне готова»¹². Развернулась мощная моральная подготовка «общественного мнения» к войне. С обеих сторон в ход была пущена огромная масса лжи, чтобы «мобилизовать сознание» раньше, чем будут мобилизованы тела. И нужно сказать, успев на этом поприще «был очень большой, больше, чем потом на полях сражений»¹³. Основная масса населения как той, так и другой коалиции, особенно в первый период войны, оказалась под влиянием этой пропаганды, погрязла в угаре шовинизма и национализма. В стране Антанты, в т. ч. России, восторжествовала, по словам Покровского, «ритуальная легенда»: «Германия напала». Отсюда — волна патриотизма, искреннего желания защитить Родину, охватившее миллионы людей. Однако уже вскоре появились сомнения. Приведу запись от 3 ноября 1914 г. из фронтового дневника будущего академика С. И. Вавилова, который оказался на фронте с первых месяцев войны: «Война стала противна, исчезло всякое представление об ее нужности»¹⁴.

На год раньше сборника статей Покровского «Империалистическая война» вышла в свет книга академика Е. В. Тарле «Европа в эпоху империализма. 1871—1919», самая крупная и известная его работа 20-х гг. Многие ее положения, связанные с Первой мировой войной, сразу же вызвали резкую критику Покровского. Об этой работе и о полемике в связи с ней, развернувшейся в то время в печати, говорится в монографии Б. С. Кагановича¹⁵. Следует согласиться с автором, что книга «Европа в эпоху империализма» вызвала «яростную атаку» Покровского. Вместе с тем, Каганович вряд ли прав, утверждая, что Покровский развязал против Тарле «разгромную кампанию», т. к. видел в нем

опасного соперника¹⁶. Думаю, главная причина (при допущении личных мотивов) в другом. Оба ученых признавали агрессивный характер как Антанты, так и Четверного союза; оба считали, что к лету 1914 г. вопрос о начале войны «ставился, по существу, уже чисто технически: кому и когда удобнее выступить»¹⁷. В то же время, если Тарле полагал, что вопрос о виновниках войны малоинтересен: «Виновны были обе стороны... Мораль и человеколюбие дипломатов и правителей обеих враждебных политических комбинаций стояли на одинаковом уровне»¹⁸, то Покровский подчеркивал его исключительно важное политическое значение. В предисловии к первому изданию книги труда он писал, что «война к западу от границы Союза все еще не далекое прошлое, а вчерашний день... Сравнения нынешней обстановки с 1914 годом слышатся отовсюду... Новая империалистская война подвигается с такой быстротой, что ссылки на них встречаешь не только в газетных статьях и парламентских речах...». Панике поддаваться не надо, но «нельзя не вспомнить, что приемы империалистических зажигателей войн прежние, и что механика их подготовительных действий в 1914 году и ранее может служить для нас весьма полезным “предметным уроком”»¹⁹.

Как видим, Покровский и Тарле по-разному оценивали значение вопроса о виновниках войны 1914—1918 гг.: первый из них рассматривал его, прежде всего, с политической точки зрения, второй — во многом чисто «академически». Разрушать «ритуальную легенду»: «Германия напала», — писал Покровский, — не поздно даже в СССР, даже и в 1928 г., «не потому, чтобы у нас много было сторонников антантовского объяснения возникновения войны, а потому, что этим вопросом до последнего времени у нас в стране ненормально мало интересовалась»²⁰. Именно поэтому, делал он вывод, и опасна книга Тарле, «что она может оказаться единственным пособием только что заинтересовавшегося внешней политикой последних десятилетий читателя»²¹.

Что касается резкости тона, в котором Покровский вел полемику с Тарле (а затем, еще более агрессивно, другие историки-марксисты), то здесь, безусловно, был прав Евгений Викторович, который в статье «К вопросу о начале войны» заметил: «Отвечать в печати в том тоне, в каком счел уместным писать Покровский, я не имею ни охоты, ни возможности»²². Правда, прошло лишь несколько лет после смерти Покровского, он был заклеймен властью предержащими как «антимар-

ксист, антиленинец и антибольшевик», и Тарле, подобно другим советским историкам²³, присоединился к хору его хулителей... Таковы были нравы той супервойны.

В современной российской историографии вопрос о виновниках Первой мировой войны, конечно, не ставится так, как это было в конце 1920-х — начале 1930-х гг. В главе 5-й первой книги «Война и общество в XX веке» (автор С. В. Тютюкин) предпринята попытка, на мой взгляд, в целом успешная, ответить на несколько ключевых вопросов, имеющих «важнейшее значение для правильного понимания новейшей истории не только нашей страны, но и мировой истории XX века в целом»²⁴. В частности, в главе справедливо подчеркивается, что системный кризис тех лет возник в России не на пустом месте. Классовые различия в стране все больше выдвигались на первый план по сравнению с этноконфессиональными и социокультурными. Для большинства населения страны война стала полнейшей неожиданностью. И царских манифестов народ узнал, что на родину напали Германия и Австро-Венгрия и нужно защищать свою землю и веру от врага. Патриотический подъем в обществе был, но в «общем и целом Россия избежала того шовинистического угары, который охватил другие воюющие страны. Официальная власть, печать и верноподданнически настроенная часть интеллигенции сделали все, чтобы внушить народу мысль о традиционном миролюбии России и агрессивности Германии»²⁵.

Кказанному добавлю, что в начале XXI века, в условиях небывало усилившимся возможностей манипулирования общественным сознанием, особую опасность представляет разжигание шовинизма и национализма, прикрываемых борьбой за демократию, справедливость, свободу и равноправие. Примеров такого рода политики в наши дни множество. Вот почему по-прежнему актуальны выводы М. Н. Покровского о виновниках Первой мировой войны, его слова о том, что можно «по прошедшему заключить о будущем».

Примечания

¹ См.: Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. I. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008.

² Подробнее см.: Чернобаев А. А. «Профессор с пикой или три жизни историка М. Н. Покровского». М., 1992. С. 85—98; Его же. Покровский Михаил Ни-

колаевич // Россия в Первой мировой войне 1914—1918 гг. Энциклопедия. В 3 т. М., 2014.

³ После подавления Первой русской революции Покровский с августа 1907 г. по август 1909 г. скрывался в Финляндии, а затем эмигрировал во Францию.

⁴ Имеются в виду статьи М. Н. Покровского «К выступлению Турции», «Комментарий не надо», «Статистический мираж» (Голос. Париж. 1914, 6 и 7 ноября, 4 декабря, 16 декабря).

«Голос» — газета, выпускавшаяся меньшевиками-интернационалистами в сентябре 1914 — январе 1915 г. в Париже.

В предисловии к первому изданию книги «Империалистская война» (22 января 1928 г.) Покровский писал, что его работы о войне и ее возникновении, появившиеся осенью 1914 г. в парижском «Новом голосе», занимают «определенное место» в нашей марксистской литературе, являются «первыми опытами» в ее изучении (Покровский М. Н. Империалистская война. 1915—1930. 3-е изд. М., 2010. С. 11).

⁵ См.: Покровский М. Н. Внешняя политика России в первые десятилетия XIX века // История России в XIX веке. М., 1907. Т. 2. С. 508—606; Его же. Крымская война // Там же. М., 1908. Т. 3. С. 1—68; Его же. Восточный вопрос. От Парижского мира до Берлинского конгресса (1856—1878) // Там же. М., 1909. Т. 6. С. 1—68; Внешняя политика России в конце XIX века // Там же. М., 1910. Т. 9. С. 164—236 и др.

⁶ Покровский М. Н. Происхождение и характер войны // Народный учитель. 1924. № 8. С. 39—40.

⁷ Следует заметить, что в указанную книгу Михаила Николаевича вошли не все его работы о Первой мировой войне, в ряде случаев в ней имеются неточности в определении времени их публикации; более полные и точные сведения содержатся в «Библиографии произведений академика М. Н. Покровского», изданной в 1993 г. в качестве приложения к журналу «Исторический архив». См.: Библиография произведений академика М. Н. Покровского. Приложение к журналу «Исторический архив». Архивно-информационный бюллетень. Серия III. Справочно-библиографические материалы. 1993. № 7 (Составитель А. А. Говорков, отв. ред. А. А. Чернобаев).

⁸ Покровский М. Н. Империалистская война. 1915—1930. 3-е изд. М., 2010. С. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 7.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 8.

¹³ Там же. С. 9.

¹⁴ Исторический архив. 2014. № 3.

¹⁵ См.: Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 34—38.

¹⁶ Там же. С. 36.

¹⁷ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871—1919. 2-е доп. изд. М.; Л., 1928. С. 260—261. Выше уже приводился аналогичный вывод Покровского.

¹⁸ Там же. 1-е изд. М.; Л., 1927. С. 238.

¹⁹ Покровский М. Н. Империалистская война. 1915—1930. 3-е изд. М., 2010. С. 8. Правоту опасений М. Н. Покровского подтверждает тот факт, что идеологам немецкого фашизма удалось в короткий срок внушить населению Германии человеконенавистнические идеи.

²⁰ Там же. С. 10.

²¹ Там же.

²² Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 106—107.

²³ См.: Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. М.; Л., 1939. Ч. 1; Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. М.; Л., 1940. Ч. 2.

²⁴ Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1. М., 2008. С. 120.

²⁵ Там же. С. 125—126.

Н. Б. Хайлова

«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКОВЕНИЯ И ХАРАКТЕРЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«Вестник Европы» (1866—1918), одно из старейших и наиболее долговечных либеральных изданий в России. В начале XX в. журнал занимал особую «нишу» в общественно-политических дискуссиях, играя роль форпоста либерального центризма (находясь, условно говоря, на «срединной» позиции между кадетами и октябрьстами), а члены его редакторского круга (М. М. Ковалевский, К. К. Арсеньев, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. С. Посников, Д. Д. Гримм, В. Д. Кузьмин-Караева, Л. З. Слонимский и др.) пользовались устойчивым авторитетом. В годы Первой мировой войны разработка идеологами «Вестника Европы» ориентиров на будущее для страны и мира была сопряжена с процессом интенсивного осмыслиения самого феномена войны, прежде всего, причин ее возникновения и особенностей.

Война стала «полной неожиданностью» для членов редакторского круга «Вестника Европы»¹, которые до последнего надеялись на возможность мирного урегулирования спорных межгосударственных во-

просов. Вместе с тем, ретроспективный взгляд на события позволял им говорить о закономерности «беспрощальной наступательной войны» («свершилось то, чего чуть не ежедневная возможность висела над Европой целых сорок лет»), представлять ее как «специальное, давно задуманное и основательно организованное предприятие германских правителей» («в отличие от своих соперников и противников, Германия вооружалась не для обороны, а для нападения»)². В то же время журнал выступил с осуждением позиции «безнадежного фатализма» (Э. Д. Гримм и др.), согласно которой война объявлялась «неизбежным результатом экономических противоречий и национальных антагонизмов, заключающихся в современном мировом хозяйстве»³. Взгляд на войну как единственно возможный и легальный способ разрешения международных споров Слонимский объявлял исключительно «прусско-германской точкой зрения», а потому, полагал он, «нет ни малейшего основания навязывать ее другим народам и государствам в виде общего правила»⁴.

Анализируя причины и характер войны, интересы ее участников, идеологи «Вестника Европы» видели главный источник трагедии в «своеобразном сочетании германского индустриализма с прусским милитаризмом»⁵. При этом отмечался «преходящий и эфемерный» характер указанной комбинации, ее прямая зависимость от степени демократического развития народных масс, что позволяло, по мнению обозревателей, с оптимизмом смотреть в будущее⁶. Констатируя стремление «официальной Германии, опиравшейся на непомерное развитие своих вооруженных сил, подчинить себе Европу», редакция «Вестника Европы» представляла читателям также мнение, согласно которому «основным содержанием» войны и своего рода программой-максимум завоевательных планов Германии являлась ее борьба за обладание Востоком. В журнале проводилась мысль о том, что т. н. балканская проблема лишь формально являлась первопричиной войны («Балканы лишь проходная станция на линии Берлин-Багдад»). На самом же деле, «гречь идет об упорной борьбе, которую дальновидные немцы задолго до войны назвали “второй Семилетней войной”», — отмечался на страницах «Вестника Европы» поистине «мировой» характер очередного военного конфликта⁷.

Размышления о «ближайших причинах» войны выводили публицистов на тему о роли личности и масс в истории. С одной стороны,

германский милитаризм характеризовался как «порождение эпохи личного режима Вильгельма II»⁸. В то же время, в публикациях журнала подчеркивалось, что «вопрос о личной ненормальности Вильгельма II поглощается несравненно более важным вопросом о поразительном злочестивом психозе («вульгарно-политическом честолюбии»), овладевшем значительной частью народных масс и передовой интелигенции одной из великих наций культурного мира»⁹. Темой ряда публикаций стал поиск ответа на вопрос: как «Германия — страна Канта и Гёте, — страна великодушных романтиков и идеологов, страна, мечтавшая о свободе и вечном мире, — превратилась в очаг реакции и милитаризма?»¹⁰. Размышая над «своеобразной психикой, которая побудила лучшие умы Германии отождествить себя с ничтожностью, но могущественною кликою военных честолюбцев», Слонимский, в частности, приходил к выводу о том, что «странные немецкой национальной психологии» были чрезвычайно метко указаны Герценом еще в 1850-х годах¹¹. Главную причину успеха в Германии пропаганды идеи национального мессионизма, в результате чего «манией военного величия» оказались поражены даже «сильнейшие умы», а в немецком обществе утвердилась «первобытная психология», выросшая на почве культа силы и игнорирования интересов других народов, Слонимский видел в отсутствии в этой стране традиций «здравого гражданского чувства» и политической свободы¹².

В том же русле рассуждал о проблеме «острого помешательства» многих выдающихся представителей немецкой нации и Арсеньев. По его мнению, большая доля истины содержалась в утверждении кн. Е. Н. Трубецкого о «гипнозе государства» как первоисточнике указанного явления¹³. Вместе с тем, Арсеньев предостерегал от подобного «одноцветного» восприятия общественных настроений в Германии. Он обращал внимание на то, что далеко не все оказались там под «гипнозом» внешней силы и военных побед, а «силы, прокладывающие пути к лучшему будущему» не перестают действовать в Германии и во времена «ослепления». Кроме того, Арсеньев призывал учитывать особые условия военного времени, крайне затруднявшие критическое отношение к действительности и облегчавшие официальной пропаганде задачу превращения «добродушной, в общем, массы людей в ревущий и мечущийся от злобы зверинец»¹⁴.

Стремясь к всестороннему анализу происхождения войны, публицисты «Вестника Европы» обращали внимание на цивилизационное противостояние как глубинный смысл событий. Война, в частности, трактовалась как «надменный вызов германизма славянской идее», в связи с чем долгом России провозглашалась «защита братьев по крови и вере»¹⁵. Не сбрасывая со счетов экономическое соперничество Англии и Германии в качестве источника напряжения между этими державами, авторы журнала обосновывали мысль о войне как результате «столкновения двух противоположных цивилизаций: «гражданской» и «военной», одинаково высоких по объему материальной культуры», однако представляющих собой «два разных миропонимания и разные взгляды на обязанности государства»¹⁶. Возлагая ответственность за начало войны на Германию, авторы «Вестника Европы» характеризовали союз России с «западными демократиями» как оборонительный. При этом подчеркивался справедливый характер интересов и притязаний стран антигерманской коалиции, в т. ч., территориальных.

Разъясняя коренное отличие очередной войны от всех предыдущих, журнал обращал внимание на то, что это — конфликт «не между профессиональными армиями, а между целыми вооруженными нациями. Ее удары не локализованы, они тяжко падают на весь государственно-национальный организм и разят его во всех частях. Тыл органически связан с фронтом..., а бедствия, порождаемые войной, принимают размеры поистине гигантские. Стихия разрушения никогда еще не свирепствовала с такой силой, ибо ей на помощь пришли все изобретения, все открытия научной техники XX века»¹⁷. Подобное проникновение идеологов журнала в суть происходящего рождало у них ощущение великого «разлома» человеческой истории в связи с войной, неизбежность ухода в прошлое прежнего миропорядка и тревожные предчувствия относительно будущего.

Вместе с тем, по убеждению публицистов «Вестника Европы», трагизм военного времени и неопределенность грядущих судеб России и мира имели «оборотную сторону», способную послужить источником исторического оптимизма. «Теперь настоящее оставляет мало места для оглядок на прошлое, а в будущее, как бы оно ни было омрачено страданиями, неразрывно связанными с войною, открываются просветы, о которых еще недавно нельзя было и мечтать»¹⁸, — замечал Арсеньев в ноябре 1914 года, подразумевая, что важнейшим результатом

завершения Первой мировой войны, наряду с неизбежным военным крахом Германии, станет утверждение начал права и справедливости как в международных отношениях, так и во внутренней политике России.

Примечания

¹ Вестник Европы. 1914. № 8. С. 387.

² Там же. 1915. № 7. С. 333—334.

³ Там же № 12. С. 340—341.

⁴ Там же. С. 344—345.

⁵ Там же. С. 344—345.

⁶ Там же. С. 345.

⁷ Там же. № 3. С. 277—283.

⁸ Там же. № 1. С. 292.

⁹ Там же. № 4. С. 328; № 12. С. 344—345.

¹⁰ Там же. № 5. С. 311.

¹¹ «„Немец,— писал Герцен,— теоретически развит, без сомнения, больше чем все народы, но проку в этом нет до сих пор... самые радикальные люди между немцами в частной жизни остаются филистерами. Смелые в логике, они освобождают себя от практической последовательности и впадают в вопиющие противоречия... Все немецкие революционеры — большие космополиты... и все исполнены самого раздражительного, самого упорного патриотизма. Они готовы принять всемирную республику, стереть границы между всеми путями исторического развития. Идея национального пути — клюдтарствами, но чтобы Триест и Данциг принадлежали Германии... При этакой же во всей сложности отношений России с Западом. Целью противозависимости и воинственном патриотизме Германия, со временем первой революции и поднесь, смотрит с ужасом направо, с ужасом налево. Тут Франция вилась отстаивание собственного пути, как единственно разумного способа сохранения своей культуры и своей цивилизационной идентичности. Не допустить возникновения на континенте центра силы, способного угрожать экономическому могуществу Запада, в первую очередь, Англии, всей Британской империи — вот главная причина её непрерывной борьбы с Россией. Первоначальный образ осажденной крепости в отечественной литературе возникает не в советскую эпоху, а гораздо раньше, во времена Николая I.

¹² Вестник Европы. 1914. № 11. С. 349—350; 1915. № 5. С. 338—342; № 3. С. 278.

¹³ «Победоносное, в эпоху Бисмарка, государство стало сурово властствовать над личностью, относящейся к нему благовейно, почти религиозно,— замбюрократии, существования жесткой цензуры, ограничений для русских в поездках за границу, в установлении контактов с Европой. Но, сюда общее понижение уровня духовной жизни, материализация всех жизненных интересов, неспособность понимать тех, кто не разделяет поклонения государству — германскому государству; отсюда свирепое ожесточение, овладевшее немцами, когда их соседи оказались непослушными германскому императору. Немецкие добродетели „действуют лишь в тех пределах, на которые простирается покровительственно-доброжелательное отношение немецкого государства. За этими пределами все дозволено: врагов немецкого государства дозволительно грабить, убивать, обманывать и пытать, а жен и дочерей их можно подвергать всякому насилию“ // Цит. по: Вестник Европы. 1915. № 1. С. 370.

¹⁴ Вестник Европы. 1915. № 1. С. 371.

¹⁵ Там же. 1914. № 8. С. 417, 423.

¹⁶ Там же. № 12. С. 254—255.

¹⁷ Там же. 1916. № 5. С. 326.

¹⁸ Там же. 1914. № 11. С. 333.

B. N. Шевченко

ИСТОРИЧЕСКИЙ ТУПИК ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

1. Не один раз в течение последних пяти-шести столетий России приходилось отстаивать, нередко и силой оружия, право на выбор своего. Они готовы принять всемирную республику, стереть границы между всеми путями исторического развития. Идея национального пути — клюдтарствами, но чтобы Триест и Данциг принадлежали Германии... При этакой же во всей сложности отношений России с Западом. Целью противозависимости и воинственном патриотизме Германия, со временем первой революции и поднесь, смотрит с ужасом направо, с ужасом налево. Тут Франция вилась отстаивание собственного пути, как единствено разумного способа сохранения своей культуры и своей цивилизационной идентичности. Не допустить возникновения на континенте центра силы, способного угрожать экономическому могуществу Запада, в первую очередь, Англии, всей Британской империи — вот главная причина её непрерывной борьбы с Россией. Первоначальный образ осажденной крепости в отечественной литературе возникает не в советскую эпоху, а гораздо раньше, во времена Николая I.

2. Из всех императоров, кто правил страной после Петра I, самым национальным императором можно считать Николая I. Обычно принято говорить об эпохе Николая I как об эпохе угрюмой и безжалостной замбюрократии, существования жесткой цензуры, ограничений для русских в поездках за границу, в установлении контактов с Европой. Но, с

другой стороны, именно в период правления Николая I возникают национальное самосознание и национальное самоуважение, национальная русская литература, музыка, живопись, получившие мировое признание. Русские люди перестают испытывать чувство неполноценности и зависти. Есть несомненная связь между политикой «удаления» России от Западной Европы, противостояния западному либерализму и достижениями в сфере экономики и культуры на национально ориентированном пути развития.

Антизападный вектор мог дать другое, но тоже перспективное направление развития страны, если бы линия Николая I была бы продолжена в дальнейшем. Россия могла бы стать тогда центром иного, но тоже капиталистического пути развития. Но это была бы другая модель — модель государственного капитализма, в которой капитализм ставится на службу государству, когда он способствует достижением своих национальных задач, что с блеском продемонстрировала Германия Бисмарка. Не исключено, что Германия и Россия могли бы выступить тогда в качестве единого центра другой модели капиталистического пути развития в противовес Англии и ее союзникам, поскольку почти весь XIX век Россия находилась в тесных союзнических отношениях с Германией (Пруссиею) и Австрией. Возникла бы геополитическая ситуация двоецентрия в развитии капитализма, чего Англия как морская держава, конечно, не могла допустить. И в этом она преуспела. Как пишет талантливый русский геополитик начала XX века А. Е. Вандам (Едрихин), одним из принципов государственной стратегии англичан «является наложение на континентальные народы особого рода balance of power, под которым, по словам лорда Керзона, подразумевается освященное веками решение Англии не допускать на континенте Европы сколько-нибудь опасного преобладания какой бы то ни было державы»¹.

3. Для Запада Николай I становится абсолютно неприемлемой фигурой. Крымская война середины XIX века была войной фактически всей Западной Европы против России, против ее попытки отстоять свой самостоятельный курс национального развития.

При Александре II Россия как национальная мир-система быстро превращается в отсталое звено обширной капиталистической мировой системы. Реформы Александра II были прямо противоположны американским реформам того времени, хотя страны находились в примерно

сходных условиях. Америка пошла по пути формирования и защиты внутреннего рынка, своего пути развития национальной экономики. В Германии после её объединения в 1871 году складывается иной путь капиталистического развития, принципиально отличный от английского пути, который привел Германию к впечатляющим результатам, что и сделало её настоящим врагом Англии. На протяжении всего XIX века Германия ведет постоянную борьбу против разлагающих страны идеи либерализма. В России всё складывается по-другому.

Стратегия русского правительства хотя и имела целью «догнать Европу» (С. Витте), но в реальности породила вовсе не ещё одну Германию, а разрушительный экономический и социальный кризис в стране, порожденный усилением финансовой зависимости от Запада, неуклонным превращением страны в сырьевую приютку Запада, распушим доминированием аграрно-торгового капитализма над национально промышленным. (Сегодняшняя ситуация в стране аналогична той ситуации, которая сложилась в России сто лет назад.)

4. О национальном пути вспоминает Александр III, но было уже поздно. Конечно, в принципе Россия могла ещё пойти по пути Германии и делала по нему некоторые шаги, особенно во внешней политике. Но движение по своему пути для России вскоре оказалось невозможным. Ситуация в конце XIX века — начале XX века сложилась так, что Германия после Бисмарка стала преследовать в отношениях с Россией исключительно свою выгоду. Как писал П. Столыпин, «Россия платит Германии такую громадную дань, которая несравнима ни с какой военной контрибуцией побежденного и обращенного в рабство народа»². Имелся в виду грабительский торговый договор, заключенный между двумя странами в начале 90-х г. XIX века. Вместо Германии Россия была вынуждена заключить союз с Францией и Англией, которым удалось столкнуть в войне Россию и Германию и тем самым вывести их из числа своих самых опасных конкурентов на континенте.

5. Помимо безвыходной геополитической ситуации (и те, и другие рассматривали Россию буквально как добычу) необходимо указать и на невозможность царской власти решить те внутренние противоречия, которые возникли на пути капиталистической эволюции страны. Анализируя суть сложившейся ситуации, В. И. Ленин подчеркивал, что противоречие между отсталым землевладением и самым передовым промышленным и финансовым капитализмом обострялось в Рос-

ции с каждым новым шагом капитализма вперед. Оно так и не было разрешено вплоть до революции 1917 года. Потенциал крестьянской революции «снизу» оказался несравненно более мощным, чем проводившиеся царским правительством реформы «сверху». Конечно, имело место медленное перерождение царизма в буржуазную монархию. В 1908 году Ленин в полемике со Струве писал: «Если он (П. Струве) «голосом голосит», что нам нужен Бисмарк, нужно превращение реакции в революцию сверху, то это именно потому, что Струве *не видит* у нас ни Бисмарка, ни революции сверху³. Но обстоятельства сложились так, что никакая реформа «сверху» в России была уже невозможна.

6. Полномасштабная война между Германией и Россией, которая унесла более двух миллионов жизней русских солдат и офицеров и до предела истощила страну, стала главной непосредственной причиной возникновения революционной ситуации в стране. Революция 1917 года — это реальный выход из того исторического тупика, в который попала Российская империя в результате движения по пути зависимого и отсталого капитализма⁴. А место в Центре мировой капиталистической системы ей было заказано всей историей отношений с Западной Европой. Но Россию нельзя отнести и к тем странам, которые впоследствии были названы странами «третьего мира». Россия в ходе Революции 1917—1922 года открыла свой особый путь (который возник и существовал до 90-х г. XX века.) для дальнейшего движения страны по пути прогресса. Это был Второй мир наряду с Третьим и Первым. Значение данного обстоятельства для прогресса всего человечества в XX веке требует особого разговора.

Примечания

¹ Вандам А. Е. Наше положение. СПб. 2009. С. 144.

² Цит. по: Меньшиков М. О. Как воскреснет Россия? СПб. 2007. С. 484.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 33.

⁴ Подробнее: Шевченко В. Н. Ленин В. И. Исторический тупик Российской империи и будущее России // Русский марксизм: Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. М., 2013.

ИТОГИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПОСЛЕДНИЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В современной исторической литературе существуют противоположные оценки итогов экономического развития России в этот период: от крайне оптимистических до крайне пессимистических.

Из огромного числа тех и других выберу несколько наиболее интересных, с моей точки зрения, российских и западных.

Убежденным сторонником оптимистического взгляда на возможности дореволюционной экономики общества является Пол Грегори. Опираясь на свои экономические оценки, он делает следующий вывод: «с точки зрения технического статистического анализа, очень трудно представить, что результаты этого развития были более низкими по сравнению с советскими результатами. Россия в 1913 году имела огромный потенциал, представляла интерес для западных инвесторов и обладала набором основных институтов капитализма¹. Близкие взгляды высказывает российский историк Борис Миронов в двухтомнике «Социальная история России», вышедшем в 2000 году и в книге «Благосостояние населения и революции в имперской России», вышедшей в 2010 году.

Гораздо менее оптимистическую оценку высказывает крупный российский специалист по межстрановым экономическим сопоставлениям В. А. Мельянцев, являющийся, что важно, убежденным противником советского режима и командной экономики. Тем не менее, подводя итоги предреволюционного социально-экономического развития, он пишет: «...несмотря на некоторый прогресс в осуществлении модернизации, Россия в дореволюционный период так и не смогла начать процесс догоняющего развития по отношению к Западу. Более того, отставание по ряду показателей нарастало... Чтобы действительно встать на путь дальнейшего развития и осуществить переход к модели современного экономического роста, в XX веке в России необходимо было реализовать серию глубоких буржуазно-демократических, рыночно-ориентированных институциональных реформ, уменьшить острые социально-экономические диспропорции, создать предпосылки для наращивания не только обычных капиталовложений, но и инвестиций в человеческий капитал, а также резко активизировать инноваций

онный потенциал. Однако, эти задачи, как мы знаем, не были решены². Добавлю, что и не могли быть решены. Слишком слабы политически и экономически были сторонники этих реформ в России.

Исключительный интерес представляют в этом плане взгляды выдающегося, на мой взгляд, по глубине экономического анализа досоветского и советского периода и проницательности, американского экономиста Р. Аллена, в вышедшей относительно недавно книге «От мануфактуры к фабрике». Эта книга посвящена преимущественно советской экономике. Но одна из глав, а именно, 2, рассматривает экономический рост в дореволюционной России. Подводя анализ итогов предреволюционного развития, Роберт Аллен уже в самом начале книги, в противовес Полу Грекори (и Владимиру Ленину), пишет: «...в царской России отсутствовали социальные, правовые и экономические институты, которые теоретики экономического роста считают предпосылками капиталистического развития»³. Вместо сильного частного предпринимательства, как на Западе, главной движущей силой предреволюционного экономического развития было государственное вмешательство с ограниченными возможностями. Вследствие этого «...при отсутствии коммунистической революции и пятилетних планов Россия была обречена оставаться столь же отсталой, как большинство стран Латинской Америки и, конечно, Южной Азии»⁴.

Анализ источников экономического роста в пореформенной России, осуществленный Алленом, привел его к выводу, что изменения носили временный, конъюнктурный характер, поскольку были связаны, преимущественно, с развитием сельского хозяйства как следствия интеграции России в мировую экономику и стимулировавшей рост продуктивности сельского хозяйства; на усиление экономического роста оказывало влияние расширение железнодорожного строительства, улучшение условий торговли сельскохозяйственными продуктами с середины 90 годов⁵. Сопоставляя Россию с другими странами с преобладанием сельского хозяйства (Индия, Аргентина, Австралия и Канада), Аллен отмечает, что за исключением Канады, они росли очень медленно до конца 40 годов⁶. Аллен отмечает, что после Первой мировой войны, особенно в период Великой депрессии, цены на пшеницу рухнули, а вместе с ними и заметно уменьшились возможности роста стран с аграрной экономикой⁷. Это определяло и резкое замедление железнодорожного строительства — важнейшего источника развития

промышленности России⁸. «Аргентина, скорее всего, Индия являлись наиболее вероятной моделью для России»⁹.

Для какой-нибудь латиноамериканской страны, находящейся вдали от центров международного соперничества, предвоенные темпы роста и абсолютные показатели экономики России были бы, возможно, достаточными для обеспечения ее государственности и относительной социальной стабильности. Но Россия находилась в центре международного соперничества, и этих успехов не было достаточно ни для того, ни для другого (это и подтвердили две ее войны начала XX века).

Причины неспособности России в этот период преодолеть (и даже, как отмечал В. А. Мельянцев, начать преодолевать) экономическое отставание от Запада были заложены, во многом, в ее истории и географии. Учитывая суровый климат на большей части ее территории, огромные пространства, многонациональный и многоконфессиональный состав населения, наличие многочисленных соперников на международной арене, уже сохранение ею, в отличие от большинства стран Азии и Африки, государственной независимости являлось крупным достижением ее правящего класса и населения (они всегда придавали первостепенное значение укреплению обороны страны). Хорошо известно, что наиболее благополучные страны располагались в умеренном климате и вблизи от более дешевых водных коммуникаций. В то же время Россия обладала огромными (скорее, потенциальными, поскольку большинство было разведано в советский период) запасами полезных ископаемых, а также плодородными землями на Юге, благодаря успешным войнам Екатерины II. Они могли явиться основой некоторых конкурентных преимуществ.

Отрыв Запада от России в экономическом и культурном отношении возник между X и XV веками, когда России пришлось отражать с огромными материальными и человеческими жертвами нашествие монголов и платить им дань. Впоследствии российское государство с большим или меньшим успехом прилагало усилия для преодоления этого отставания. Но в экономике, как и в спорте, это очень трудно, а иногда и невозможно. В России экономическое развитие шло рывками: редкие периоды ускорения сменялись более длительными периодами относительного застоя. Поскольку, ввиду слабости частного капитала, основную ответственность за экономическое развитие несло

государство, именно от его действия или бездействия зависело ускорение или замедление экономическое развития.

Видимо, недалек от истины был герой фильма «Доживем до конца века», школьник 9 класса, в уста которого авторы сценария вложили утверждение, что после Петра I России не везло на царей. Во всяком случае, проведенный мною анализ экономических и культурных результатов правления прославляемой большей частью современными российскими историками Екатерины II показал, что они были удручающими¹⁰. Тогда, а не только в период Николая I, как это часто полагают, был упущен, возможно, последний шанс на сужение экономической и культурной отсталости. В предреволюционный период пришло наверстывать «грехи» многочисленных незадачливых правителей России за несколько веков. Вина самодержавия за это отставание очевидна. Оно избавлялось от наиболее талантливых, но самостоятельных своих администраторов (Сперанский, а из последнего периода — С. Витте и П. Столыпин). О проводившихся самодержавием экономических и политических реформах можно сказать: слишком мало и слишком поздно. Это относится и к столыпинской аграрной реформе, положительный эффект которой в литературе часто преувеличивается, вследствие ошибочно интерпретируемых авторами данных о росте объема сельскохозяйственного производства в 1909—1913 годы в сравнении с предыдущим периодом. Прав был А. М. Анфимов, полагая, что «прогресс был достигнут в результате главным образом действия климатических и ценовых факторов, в меньшей степени — в результате реформы»¹¹. Но для их успеха требовалось время: «двадцать лет покоя», как думал сам Столыпин, а по расчетам Л. С. Дякина, — 40 или 80 лет¹². Вот что значит начать реформы с опозданием на десятилетия!

Но при самодержавии не могла развиваться и общественная жизнь. Худосочные легальные партии после 1905 года и слабые в правах и персональном составе законодательные учреждения не могли компенсировать слабость исполнительной власти. Местное самоуправление при всех его успехах имело ограниченные возможности из-за слабой финансовой базы. Чуть лучше обстояло дело с отечественным предпринимательством. В рассматриваемый период основные достижения российской экономики были связаны с иностранными предпринимателями, создавшими основные отрасли тяжелой промышленности¹³.

банковскую систему. Р. Пайпс имел немалые основания писать применительно к России о «буржуазии, которой не было»¹³. Отечественные предприятия чаще всего страдали от низкой организации производства и управления. Практически не было пользующихся мировым признанием брендов отечественной продукции. Минимальным был интерес к внедрению достижений отечественной науки и техники. Выдающиеся российские ученые и инженеры делали крупные открытия и изобретения, создавали опытные образцы, но они вызывали мало интереса у отечественных предпринимателей (очень похоже на постсоветскую Россию). Новые передовые организационные формы и здесь возникали с огромным опозданием. Так, кооперация, сыгравшая заметную положительную роль в экономике (например, в развитии сибирского маслоделия) получила большое развитие только после революции 1905 года.

Примечания

¹ Пол Грегори. Экономический рост российской империи (конец XIX — начало XX века). Новые подсчеты и оценки М., 2003. С. 84.

² Мельянцев В. А. Россия за три века: экономический рост в мировом контексте. Общественные науки и современность. 2003. № 5. М., 2003. С. 88.

³ Robert. Allen D. From Manufacture To Fabric. N. Y., 2005. P. 16.

⁴ Ibid. p. 17.

⁵ Ibid. p. 27

⁶ Ibid. p. 34

⁷ Ibid. p. 34—35

⁸ Ibid. p. 35

⁹ Op. cit.

¹⁰ Ханин Г. И. Экономика и общество в России в период правления Екатерины II: прогресс или застой // Вопросы статистики. 2011. № 4.

¹¹ Цит. по: Нефедов С. История России. Факторный анализ. Т. 2. М., 2011. С. 515.

¹² Цит. по Нефедов С. Ук. соч. С. 546.

¹³ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 252.

О ТЕМПАХ РОСТА ДУШЕВОГО ВВП И СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА

В литературе и в СМИ нередко встречаются слова о том, что темпы роста российской экономики в начале XX века были самыми высокими в мире, и если бы не революция 1917 года, то Россия получила бы в качестве приза за участие в Первой мировой войне Босфор и Дарданеллы, и, сохранив свои сверхвысокие темпы, обогнала бы все развитые страны по уровню экономического развития. Оставляя вопрос о Босфоре, Дарданеллах целиком на совести тех, кто поддерживает идеи империалистических захватов, рассмотрим подробнее вопрос о темпах развития экономики России. Но, не имея достоверных оценок для периода 1909—1913 годов, обратимся к данным за более длительный промежуток, представленный в мировой экономической литературе. Это важно и потому, что сравнение с другими странами и должно производиться не за 3—5 лет, а за значительно более длинный период, так как различного рода текущие политические и экономические события внутри стран вносят существенные искажения в реальную картину темпов роста и эффективности того или иного экономического механизма. Кроме того, для объективной картины возможностей и перспектив роста экономики правильно сравнивать цифры не темпов роста, а во-первых, исходные и конечные (для выбранного промежутка) значения ВВП на душу населения, а также темпы роста этого показателя. Дело в том, что рост может быть в основном вызван увеличением численности населения, но не ростом его производительности труда, и такой рост не является адекватным показателем экономической силы государства.

В мировой литературе одним из наиболее авторитетных авторов по межстрановому сравнению темпов экономического развития является Ангус Мэдиссон. Обратимся к его расчетам, представленным в книге, изданной в 2002 году¹. Ниже приведена таблица, содержащая данные об абсолютных значениях ВВП на душу населения в России и ряде стран и регионов мира за 1900, 1913 и 1950 годы, а также темпы прироста за три промежутка: с 1901 по 1913, с 1871 по 1913 и с 1914 по 1950.

Использование промежутка с 1871 по 1913 год позволяет увидеть динамику роста за более, чем 40-летний период, причем для России это важный и показательный пореформенный период. Использование периода с 1914 по 1950 года позволяет сравнить темпы роста подушевого ВВП СССР с темпами роста других стран за тот же период, а также с темпами роста ВВП России в начале века.

Таблица.
ВВП на душу населения и темпы его роста с 1871 по 1950 годы
(в долларах 1990 г.)

	1900	1913	1913 по отнош. к душев ВВП России	1913 к 1900	1913 к 1870	1950	1950 к 1913
Россия	1218	1488	1	122,2	157,8	2834	190,5
Дания	2902	3912	2,63	134,8	195,3	6946	177,6
Финляндия	1620	2111	1,42	130,3	185,2	4233	200,5
Франция	2849	3485	2,34	122,3	185,8	5270	151,2
Германия	3134	3648	2,45	116,4	200,3	3881	106,4
Италия	1746	2564	1,72	146,8	171,0	3502	136,6
Норвегия	1762	2501	1,68	141,9	174,7	5463	218,4
Швеция	2561	3096	2,08	120,9	186,1	6738	217,6
Швейцария	3531	4266	2,87	120,8	193,7	9064	212,5
Великобритания	4593	4921	3,31	107,1	154,2	6907	140,4
Всё Западная Европа	Н/д	3473	2,33	Н/д	175,9	4594	132,3
Восточная Европа	Н/д	1527	1,03	Н/д	175,3	2120	138,8
Бывший СССР	1218	1488	1,00	122,2	157,8	2834	190,5

	1900	1913	1913 по отнош. к душев ВВП России	1913 к 1900	1913 к 1870	1950	1950 к 1913
США	4096	5301	3,56	129,4	216,8	9651	182,1
Всего Латинская Америка	1311	1511	1,02	115,3	216,5	2554	169,0
Япония	1135	1387	0,93	122,2	188,2	1926	138,9
Китай	652	552	0,37	84,7	104,2	439	79,5
Вся Азия без Японии		640	0,43		117,9	635	99,2
Мир в целом		1510	1,01		174,2	2114	140,0

Прежде всего, очевидно, что темпы роста душевого ВВП России за 1901—1913 годы были, хотя и немалыми (прирост 22,2 % за 13 лет), но отнюдь не самыми высокими. Например, в Дании, Финляндии, Франции, Италии, Норвегии, США они были выше, а в некоторых странах, как, например, в Италии и Норвегии, в два раза выше, чем в России, ³ это значит, что отставание России по душевому ВВП от большинства стран Европы в этот период увеличилось, а не сократилось. Но посмотрим теперь на сами абсолютные данные. В 1913 году душевой ВВП России составлял лишь 42,8 % от ВВП Западной Европы, то есть, был меньше в 2,33 раза, меньше ВВП Франции в 2,34 раза, ВВП Германии в 2,45 раза, ВВП Великобритании в 3,31 и меньше ВВП США в 3,56 раза. Он был также на 1—2 % ниже чем ВВП Латинской Америки и среднемирового показателя. Сравнение со странами Латинской Америки для нас важно в связи с тем, что это были, как и Россия, в основном, аграрные страны, и мы позже посмотрим, чего они добились к 1950 году в сравнении с СССР.

Если все же сравнить рост ВВП в абсолютных цифрах (не на душу населения) с 1900 по 1913 годы, составивший в России 51 %, то окажется, что в Австралии он вырос за этот период на 65,3 %, в Канаде — на 120 %, в Италии 59 %, в Новой Зеландии — на 67 %, в США — на

65,6 %. При этом, все страны Латинской Америки, кроме Мексики, имели в этот период более высокие темпы роста, чем в России.

Но вернемся теперь к сравнению темпов роста душевого ВВП за более длительный период — с 1871 по 1913 год. И здесь мы видим, что за эти 43 года темп роста у России оказался удручающе низким, ниже мира в среднем, ниже всех приведенных стран и выше лишь, чем в Азии без Японии и в Китае. Это означает, что за указанные 43 года Россия существенно отставала по темпам экономического развития от всего мира. Одна из причин столь низких темпов душевого роста состояла в высоких темпах роста населения, которые «съедали» темпы роста экономики. Другая причина — самодержавие и иные пережитки феодального строя, которые тормозили развитие экономики.

Сравним теперь темпы роста СССР и других стран за период 1914—1950 года. Разумеется, условия этого сравнения не в пользу СССР, так как на эти 37 лет приходится три года Первой мировой войны, три года Гражданской войны и четыре года Великой Отечественной войны, принесшие колоссальные разрушения экономического потенциала, а также огромные людские потери, причем потери во многом наиболее ценных, наиболее активных и квалифицированных слоев населения, хотя, конечно же, любые человеческие потери невосполнимы. И, тем не менее, именно СССР оказался в этот период одним из мировых лидеров подушевого ВВП. Он вырос в СССР за указанный период на 90,5 %, в то время как в Западной Европе в среднем лишь на 32,3 %, то есть почти в три раза меньше, в США — на 82,1 %, несмотря на допинг для экономики США, состоявший в увеличении военного производства для воюющих стран и отсутствие сопоставимых с СССР разрушений и человеческих потерь. По темпам роста душевого ВВП СССР обогнал мировую экономику в среднем более чем в 2,2 раза, а также существенно обогнал страны Латинской Америки, которые не знали этих десяти военных лет и куда весьма активно вкладывали капиталы США.

Это говорит о том, что если бы Россия оставалась царской и столь же зависимой от наиболее развитых капиталистических страной, как в предреволюционный период, то она достигла бы к середине XX века существенно худших экономических результатов, чем, став социалистической державой. Точнее говоря, не произошло в России Октябрьская революция, она оставалась бы промышленно — сырьевым при-

датком Запада и аграрной страной, и темпы роста душевого ВВП в ней никак не могли оказаться выше, чем в Восточной Европе, то есть не 90 %, как было, а не более 38—40 % за все эти 37 лет

Обычно в число достижений царской России ставится большой объем экспорта зерна, а также некоторых других видов сельскохозяйственной продукции. Экспорт зерновых достигал в пиковые 1911—1913 годы в среднем 11 млн тонн, или 16—17 % от валового сбора, что составляло до 30—35 % зернового импорта Западной Европы. Но это, очевидно, не значит, что Россия «кормила половину Европы» и т. п. Этот экспорт был связан не с высоким развитием сельского хозяйства, а со слабым развитием животноводства в России и низкими доходами населения, как, кстати, и сейчас, а экспортное зерно в очень большой части шло на корм скоту. Например, Германия на 80 % покупала российское зерно и отруби на корм домашнему скоту². Урожайность зерновых составляла перед войной 6—7 ц/га, что было одним из самых низких показателей в мире.

Экспорт яиц составлял в 1911—1913 года около 2,8—3 млрд штук в год, или примерно 16 яиц на жителя России в год при уровне потребления всего лишь 50 яиц в год. Экспорт масла составлял порядка 75,7 тыс. тонн, или около 420 грамм на жителя России, при этом, экспорт масла в основном организовывали датские предприятия, которые потом перепродают его в Европу. Но все его производство составляло в России в 1913 году 130 тыс. тонн, то есть на внутреннее потребление оставалось лишь 54,3 тыс. тонн, или по 300 грамм в год на жителя. Вот вам и уровень развития сельского хозяйства царской России.

Еще один домысел в части сравнения дореволюционной России с СССР состоит в том, что СССР лишь к середине 70-х годов смог достичь уровня развития сельского хозяйства 1913 года. На самом деле, зерна Россия в 1909—1913 годах производила в среднем за год 65,2 млн тонн, а уже в 1936—1940 годах — 77,4 млн т. Мяса СССР производил перед войной (в 1938—1940 гг.) 4 млн. тонн, чуть больше, чем в 1909—1913 гг.; молока — на 11 % больше, а технических культур — хлопка, сахарной свеклы, льна, картофеля — уже на 30—70 % больше, в зависимости от культуры. Речь идет о России в границах СССР. Но туда входит и Украина, и Белоруссия. В целом, по валовой продукции сельского хозяйства уже в 1937 году уровень 1913 года был превышен на 40 %.

А если взять Россию в современных границах (но без Крыма), то в 1913 году было произведено 50,5 млн. тонн зерна, а уже в период с 1951 по 1955 годы было произведено в среднем 52 млн т., в 1956—1960 — 66,4 млн т. И т. д., а в 1986—1990 годах — уже 104,3 млн т., что примерно на 20 млн тонн больше производства за 2009—2013 годы.

Примечания

¹ Maddison A. The World Economy. A Millenial Perspective. Development Centre of the OECD. Paris. 2002.

² Томпсон С. Р. Внешняя торговля России, 1855—1914 гг. // http://statehistory.ru/books/Stuart-Ross-Tompston_Rossiyskaya-vneshnyaya-torgovlya-XIX--nachala-XX-v--Organizatsiya/

Л. А. Герд

ПРОЕКТЫ «РУССКОГО КОНСТАНТИНОПОЛИЯ» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Со вступлением Турции в Первую мировую войну в октябре 1914 г. в России активизировались сторонники немедленного захвата проливов Босфор и Дарданеллы и Константинополя. Особенно громкими стали голоса в пользу решительных военных действий в этом направлении во время Дарданелльской операции союзников в первой половине 1915 г. В марте 1915 г. был подписан договор между Россией, Англией и Францией о передаче России Константинополя и прилегающей территории в случае успешного окончания войны. Европейские державы были заинтересованы в поддержке России со стороны Черного моря, в то время как британские военно-воздушные силы пытались осуществить операцию со стороны полуострова Галлиполи. После подписания договора и ввиду кажущейся скорой победы в российских ведомствах начали разрабатываться проекты будущего устройства «русского Константинополя». Крупнейшим специалистам в военном деле, и экономике было поручено составить докладные записки. В церковном ведомстве также разрабатывались проекты будущего церковного устройства города.

Первую из этих записок составил профессор Петербургской духовной академии И. И. Соколов. Секретный доклад «Константинополь, Палестина и Русская церковь» был подготовлен в апреле 1915 г. и на-

печатан в количестве 100 экземпляров для внутреннего пользования¹. После пространного исторического экскурса в область истории Византии Соколов делает вывод, что в результате предполагаемых политических перемен Константинопольский патриарх должен получить права и обязанности, которые он имел в византийскую эпоху. «Третье завоевание» Константинополя, по мысли автора, должно вернуть патриарху статус подлинно вселенского, а патриархат должен законным образом стать центром православного мира. Гражданская власть патриарха, полученная от османских султанов, будет упразднена, а Константинополь, как надеялся Соколов, мог бы стать если не постоянной, то, по крайней мере, временной резиденцией монарха Российской державы.

Если Соколов говорил о восстановлении Византии под властью русского царя, т. е. собственно о воплощении идеи Третьего Рима, то известный церковно-политический деятель митрополит Антоний Храповицкий проповедовал возрождение Византийской империи под властью греков, т. е. осуществление греческой Великой идеи. Освобождение русскими войсками Константинополя от турок следует рассматривать как первый этап полного освобождения христианского мира от мусульман. Россия должна восстановить Византийскую империю, она объединит Греческое королевство с Константинополем и Малой Азией «и тем отблагодарит греческий народ за то, что он некогда освободил нас от рабства диаволу и ввел в свободу чад Божих, соделав нас христианами»².

Два проекта, машинописные копии которых хранятся в архиве А. А. Дмитриевского³, предполагали введение русского архиерея в состав патриаршего Синода, чтобы избежать сплоченности греков против русских. Этот же митрополит будет, по замыслу автора, удовлетворять нужды русских жителей Константинополя. Объем патриаршей власти, как предполагал автор другого проекта, будет неминуемо ограничен. В школах будет разрешено преподавание греческого языка, хотя в остальных предметах, в том числе истории и географии, будут введены российские программы⁴. Разнообразные проекты, публиковавшиеся общественными деятелями и частными лицами, предусматривали самые разные варианты — от прогреческих до русско-националистических, в результате осуществления которых Константинопольский патриархат вообще должен был прекратить свое существование.

а Константинополь становился простым губернским городом. Даже вполне трезво мыслящий директор Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенский не исключал возможности, что патриарх, как турецкий чиновник, предпочтет разделить участь сultанского правительства и уйти вглубь Малой Азии.

Неуспех Дарданельской операции заставил на время забыть о «русском Константинополе», и только в 1916 г. П. Н. Милюков, прочитав в западной прессе о секретном договоре марта 1915 г., разразился шумной речью в Думе. События 1917 г. подвели черту под этими явно утопическими построениями, под всей эпохой «византинизма» в русской общественной мысли, а вместе с тем под длившимися несколько столетий политическими стремлениями России к проливам и Константинополю.

П р и м е ч а н и я

¹ Лисовой Н. Н. Русская церковь и патриархаты Востока. Три церковно-политические утопии XX века // Религии мира. История и современность. 2002. С. 143—219; текст доклад издан: приложение 1 С. 156—196.

² Статья «Чей должен быть Константинополь?» Там же. Приложение 2. С. 197—204.

³ ОР РНБ Ф. 253. Оп. 1. Д. 41. Л. 20—47.

⁴ Там же. Л. 48—50

В. В. Калашников

КАК РОССИЯ ВСТУПИЛА В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

1. Первая мировая война была действительно первым глобальным военным конфликтом, который изменил карту миру и судьбу многих народов. Для России участие и последствия войны оказались трагическими: миллионы убитых и раненых, революционный взрыв, который перерос в кровопролитную гражданскую войну. В этой войне нашли свою гибель и правящая династия, и правящий класс, и старый общественный строй.

Такой итог войны для правящего слоя России не был полной неожиданностью. На возможность тяжелых, даже катастрофических последствий для монархии указывали многих современники, в том числе и из ближайшего окружения царя. Бывший министр внутренних дел,

сенатор П. Н. Дурново в своей знаменитой записке в начале 1914 г. прямо предупреждал царя о том, что война с Германией закончится социальной революцией в России, которая сметет весь старый строй. Противниками войны с Германией были бывшие председатели Совета министров С. Ю. Витте и В. Н. Коковцов. Известна и позиция Г. Распутина, который в критические дни лета 1914 г. предупреждал царя об опасности войны для судьбы престола и династии. Известны и колебания царя в вопросе об объявлении мобилизации армии. Тем не менее, роковое решение начать мобилизацию Николай II принял, понимая, что оно означает большую войну. Эти предупреждения и огромная цена войны остро ставят вопросы: могла ли Россия не участвовать в этой войне? Каковы были причины, которые побудили царское правительство принять решение об участии в ней?

2. История начала мировой войны говорит о том, что убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда, наследника австрийского престола, боснийскими сербами (28 июня 1914 г.) могло и не стать началом общеевропейского конфликта. Важно отметить, что реакция Вены на убийство не была молниеносной. Ультиматум Сербии был предъявлен лишь через месяц после убийства (23 июля). Этот месяц ушел у Вены на анализ неожиданно возникшей ситуации и на переговоры с Берлином.

Берлин поддержал стремление Вены использовать ситуацию для захвата Сербии и обещал помочь в случае вмешательства России, что и привело к появлению жесткого австрийского ультиматума Белграду с кратким 48-часовым сроком. Характер ультиматума однозначно говорил о стремлении Вены начать войну с Сербией. Условия ультиматума явно были несправедливыми: Сербия как страна не могла нести ответственности за теракт, который был совершен в Боснии боснийскими сербами вопреки желанию правительства Сербии. Предъявление такого ультиматума однозначно позволяет поставить Австро-Венгрию на первое место в ряду виновников развязывания мировой войны.

Это место Вена вполне может разделить с Берлином, поскольку без согласия Берлина такой австрийский ультиматум появиться не мог. При этом правительство Германии прекрасно понимало, что в случае нападения Австрии на Сербию, Россия может выступить на стороне Сербии, а Франция в этом случае поддержит Россию, и европейская война станет неизбежной.

Тезис о неизбежности такой войны сформулировал кайзер Вильгельм II уже 6 мая 1913 года, в период Второй балканской войны, написав на докладе своего ministra: «Борьбы между славянами и германцами более не избежать. Она, несомненно, придет. Когда? Время покажет».

На приеме 19 ноября 1913 г. в Потсдаме кайзер заявил об этом открыто представителям России: «Я должен сказать вам прямо: я вижу надвигающийся конфликт двух рас — романо-славянской и германской, и не могу не предварить вас об этом... Если война неизбежна, то я считаю совершенно безразличным, кто начнет ее».

Позиция кайзера показывает справедливость утверждений, что Германия являлась главным виновником развязывания общеевропейской войны.

Однако в конкретной ситуации сараевского кризиса война становилась возможной только в том случае, если Россия принимала решение выступить против Австрии на стороне Сербии. Иными словами, после появления венского ультиматума Белграду развитие событий определяли действия России.

Важно отметить, что сараевский кризис был далеко не первым балканским кризисом, и Россия на все более ранние балканские кризисы реагировала достаточно сдержанно. Как известно, в 1908 году Австро-Венгрия формально аннексировала Боснию, где проживало большое количество сербов. Берлин в жесткой форме потребовал от Петербурга признать эту аннексию. Российское общественное мнение, да и общественное мнение Европы, расценили это событие как «дипломатическую Цусиму», т. е. важное внешнеполитическое поражение России. Тем не менее, русское правительство воздержалось от военного вмешательства в балканские дела. Конечно, следует иметь в виду, что в 1908 г. Россия только что вышла из периода революционного кризиса, который был во многом стимулирован неудачной русско-японской войной 1904—1905 гг. Иными словами, и внутриполитическое положение, и состояние армии побуждали правительство к сдержанности.

Четыре года спустя в ходе Балканских войн 1912—1913 гг. Россия также не использовала их как повод для начала даже локальной войны на Балканах со своим участием. В октябре 1912 г. славянские страны Балканского полуострова начали войну против Турции и разгромили ее за месяц. В острый момент кризиса военный министр В. А. Сухо-

млинов начал частичную мобилизацию русской армии как форму давления на Австро-Венгрию. И царь был согласен с этой политикой. Однако председатель Совета министров В. Н. Коковцов объяснил ему, что такой шаг может привести к войне с Германией, и царь отступил. Он не был готов начать общеевропейскую войну. Важную роль в этой ситуации играла и позиция Англии и Франции, которые дали понять, что не будут воевать из-за балканских интересов России.

Сдержанную позицию Россия демонстрировала и во время Второй балканской войны. Когда черногорский князь пытался толкнуть Россию на войну с Австро-Венгрией за его интересы, премьер В. Н. Коковцов 29 марта 1913 г. сделал правительственное заявление. В нем говорилось, что Россия «не скучилась на помощь и жертвы своим братьям; но она не обязана всегда и во всех случаях исполнять все их желания и требования... Правительство должно бережно взвешивать свои решения, чтобы ни одна капля русской крови не была пролита иначе, как если интересы родины того требуют».

По мнению Дж. Бьюкенена, британского посла в Петербурге, такая сдержанность России в период балканских войн дала «поворот думать, что Россия никогда не будет воевать, что, к несчастью, побудило Германию использовать положение».

В конце декабря 1913 г. в Петербурге состоялось совещание с участием министров иностранных дел, военного, морского и начальника Генерального Штаба. В. Н. Коковцов поставил на голосование вопрос: желаем ли мы приблизить войну? Все участники на этот вопрос ответили отрицательно.

Однако через полгода летом 1914 года Петербург принимает решение встать на защиту Сербии и начать войну против Австро-Венгрии, которая заведомо грозила перерасти в войну с Германией.

3. Что же изменилось в 1914 г.? С точки зрения внутриполитических условий в России не произошло ничего, что говорило бы о большей готовности страны к трудной войне. Напротив, в стране нарастало забастовочное движение, и летом 1914 г. в столице появились первые баррикады. Иными словами, не была исключена возможность острых социальных конфликтов, что было явно неблагоприятным фактором для начала новой войны на далеких рубежах. С точки зрения обороноспособности России, также не было качественных сдвигов. Программа перевооружения армии, рассчитанная до 1917 года, была далека от за-

вершения. Строительство так называемых стратегических железных дорог, призванных лучше связать Центр с западными губерниями, даже не началось, хотя Франция выделила для этого деньги.

Изменилась внешняя ситуация. Сараевский кризис был острее, чем балканские войны. Условия ультиматума ясно говорили о том, что Австро-Венгрия полна решимости оккупировать Сербию. России предстояло решить, допустить или не допустить эту оккупацию.

В принципе оккупация Сербии Австро-Венгрией ничем не грозила России, кроме очередного удара по ее престижу. Напротив, Австро-Венгрия получала неспокойный славянский тыл, который делал ее еще более нестабильной в плане межнациональных отношений. Если бы Россия не ответила мобилизацией на начало Веной военных действий против Белграда, сараевский кризис остался бы еще одним острым, но локальным балканским конфликтом, который не привел бы к началу общеевропейской войны. Однако царь начал частичную мобилизацию русской армии. Мобилизация еще не означала объявления войны. Она была формой давления на Вену. Обострило ситуацию вмешательство Германии, которая потребовала остановить мобилизацию. В противном случае Берлин прямо угрожал войной. Царь имел возможность остановить мобилизацию, размышляя на эту тему, остановил ее на время, получив примирительное письма кайзера, но затем вновь отдал приказ о ее проведении, что и сделало начало общеевропейской войны неизбежным.

4. Почему царь сделал именно такой выбор? Есть версия о том, что Россия не была самостоятельной державой и действовала под давлением Англии и Франции. Однако убедительных аргументов в пользу такой версии нет.

Напротив, что касается Англии, то она в предвоенные месяцы делала много примирительных жестов в сторону Германии, вызывая этим тревогу в Париже и в Петербурге. Одновременно Лондон отклонял предложения русского царя о заключении обязывающего оборонительного союза.

В период сараевского кризиса британский министр иностранных дел лорд Грей давал понять Вене и Берлину, что Лондон склоняется к нейтралитету в вопросе о Сербии. И версия о нейтралитете смотрелась вполне убедительно, ибо Лондон не был связан с Парижем и Петербургом какими-либо обязательствами о взаимной военной помощи. Важ-

но учесть, что англо-французский договор 1904 года, и англо-русское соглашение 1907 года, оформившие Антанту, не были договорами о военном союзе. Это были соглашения о разделе сфер влияния в колониальном мире и формально не имели никакой антигерманской направленности. Нет сомнений в том, что надежда на британский нейтралитет очень сильно влияла на позицию Берлина, и эта позиция английской дипломатии может быть оценена как *подстрекательство* Германии на развязывание войны.

О подстрекательской позиции Англии ярко свидетельствует та информация, которую за два дня до начала войны король Георг V передал кайзеру через его брата принца Генриха Пруссского. Король уверял кайзера, что он и его правительство приложат все усилия, чтобы «не быть вовлечёнными в войну и остаться нейтральными». В это же время русскому послу в Лондоне давали понять, что Англия как член Антанты не останется в стороне в случае начала европейской войны. При этом Лондон отвергал просьбы Петербурга сделать открытое заявление о полной солидарности с Россией и Францией.

Такая двусмысленная политика может быть оценена как провокационная, но не как политика давления на Россию, которая могла лишить ее выбора. Показателен и тот факт, что британское правительство формально обсуждало вопрос о Сербии и своей политике в балканском кризисе только 28 июля, т. е. после того как австрийцы уже объявили войну Сербии. До этой даты никаких решений правительство не принимало. 24 июля Дж. Бьюкенен, британский посол в Петербурге, не имея указаний правительства, на встрече с министром иностранных дел России С. Д. Сазоновым «решил не говорить ничего, что могло бы быть истолковано как поддержка намерения России объявить войну Австрии». 28 июля большинство членов британского кабинета после бурной дискуссии высказались за нейтралитет. Англия заявила о своей поддержке Франции и России и вступила в войну с Германией только 5 августа, через 7 дней после начала войны, когда в правительстве сторонники нейтралитета оказались в меньшинстве.

Позиция Франции была также не однозначной. В парламенте шла открытая борьба между пацифистами и сторонниками жесткой линии по отношению к Германии. Сильное крыло социалистов и левых радикалов в принципе было против европейской войны, подчеркивая ее империалистический характер. В дни сараевского кризиса Франция была

готова вместе с Россией и Англией предупредить Вену о необходимости соблюдать сдержанность по отношению к Белграду. Но этот план не поддержала Англия, продолжая свою провокационную политику. 20 июля в Россию приехал президент Р. Пуанкаре, который достаточно двусмысленно советовал России проявить твердость перед лицом австро-венгерских угроз Сербии и подтвердил готовность Франции совместно с Россией искать пути мирного разрешения кризиса. Пуанкаре, зная уклончивую позицию Англии и о расколе во французском парламенте, вряд ли мог занять бескомпромиссную позицию и, тем более, оказывать давление на Россию в этом вопросе.

Следовательно, царь делал выбор вполне самостоятельно, исходя из своего понимания и своей оценки соотношения сил и рисков.

5. Именно в оценке соотношения сил и рисков Николай II допустил роковой просчет. Опираясь на опыт прежних европейских войн и помня о победах русского оружия в войнах против Пруссии, царь не считал Германию страной, способной победить Россию. А в союзе России с Францией победа Германии казалась тем более немыслимой. В условиях, когда и Англия могла присоединиться к войне против Германии, момент для разгрома Австро-Венгрии и Германии представился весьма благоприятным.

Однако это была ошибка. Она коренилась в непонимании нового характера войны, которая требовала огромных экономических ресурсов и стабильного в социально-политическом отношении тыла. Эта была война, в которой на первый план выходили такие факторы как экономический потенциал и социально-политическая стабильность общества. Последний фактор в России оказался самым слабым, что и определило для нее исход войны.

Хироди Сакамото

ВЗГЛЯД Г. В. ПЛЕХАНОВА НА ИСТОРИЮ ЛИТВЫ

Как М. В. Пронина в своей кандидатской диссертации «Труд Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли»: История создания, источники» упоминает¹, Плеханов в письме к Н. А. Рубакину спрашивался о наличии в библиотеке адресата книг по истории Литовского княжества: «Поместья Литовского государства» и «Формы крестьянского землевладения в Литве» М. Ф. Владимирского-Будано-

ва»; «Областное деление Литовского государства» и «Литовско-русский сейм» М. К. Любавского, «Очерки истории литовско-русского права» Ф. И. Леонтовича; «Сеймы литовско-русского государства» Н. А. Максименко; «Великое княжество Литовское» И. И. Лаппо; «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского» и «Очерки по организации западно-русского крестьянства» М. В. Довнар-Запольского². А к этому сведению нeliшне было бы добавить факт, что этот перечень материалов находится в книге С. Ф. Платонова «Лекции по русской истории»³. Несомненно, что Плеханов узнал об этих материалах в книге Платонова и написал Рубакину.

Нам интересно, что Плеханов в том же письме отмечает: «Как видите, все эти книги относятся к истории Литовского княжества. Я считаю, что изучение этой истории безусловно необходимо для правильного суждения о «русской» истории (т. е. об истории Великороссии)»⁴. Но какое правильное суждение о «русской» истории он имеет в виду?

В Доме Плеханова сохраняется книга Платонова с пометами Плеханова⁵. Из них видно, что Плеханов внимательно следит за положением литовской шляхты в XVI в. Например, им подчеркнуты следующие строки в книге Платонова: «Более всего польскому влиянию поддавалось литовское дворянство, стремившееся занять в Литве то же положение, какое польская шляхта занимала в Польше»; «литовская шляхта, не имевшая еще большого политического влияния, под давлением сильной литовской аристократии быстро достигла его на общих сеймах с поляками»⁶. К этим строкам он делает заметки: «В Литве антагонизм шляхты и магнатов вел к ополячению. У нас к абсолютизму»⁷. Плеханов считает, что литовская шляхта предпочитала польские порядки московским, потому что московские служилые люди становились бесправными «холопьями» великого князя. Во введении на «Историю русской общественной мысли» он пишет: «Короче, общественно-политические порядки, восторжествовавшие в Москве, убили всякое сочувствие к ней со стороны высшего сословия единоплеменной Литовской Руси и тем толкнули это сословие в объятия Польши, которая была классической страной шляхетских вольностей»⁸.

И Плеханов, возражая «исследователям, жалующимся на то, что этот класс ополячился», указывает: «Прежнее тяготение этого класса к Москве уступило место его отвращению от нее значительно раньше, чем совершилось его ополячение (курсив — автора)»⁹. По его мнению,

в XVI в. только немногие представители литовской шляхты усвоили себе польский язык, а польские обычаи с языком могли считаться принятными ей лишь во второй половине XVII в. И далее пишет: «нельзя было оставить без анализа социально-политические причины, породившие названный факт ополячения. После сказанного ясно, что у нас никакого основания сваливать на поляков ответственность за этот факт»¹⁰.

Упоминая о разделе Польши, Плеханов рассуждает следующим образом: «...почти доконченное Петербургом собирание русских земель изменило соотношение общественных сил в России не в пользу прогресса, а в пользу застоя. Эта неблагоприятная для прогресса перемена в соотношении общественных сил явилась как бы историческим наказанием всего русского народа за то, чем погрешила собственно только великорусская его часть: за продолжительное господство в Москве общественно-политического строя, свойственного восточным деспотиям»¹¹.

Судя по этому рассуждению, когда Плеханов писал Рубакину о необходимости изучения литовской истории для «правильного» суждения о великорусской истории, он имел в виду необходимость дать критическую оценку общественно-политическому строю Московской Руси, сравнивая его со строем Литвы.

В этом отношении интересно, что в другом месте «Истории русской общественной мысли» Плеханов рассматривает возможность «ополячения» боярства Московской Руси. Упоминая о статье 11 договора февраля 1610 г., требующей запрещения конфискации имущества, он пишет: «Осуществление этого требования, в самом деле, составило бы важную эпоху в истории Московского государства. Оно оградило бы имущественные права, по крайней мере, высших слоев населения и тем самым создало бы ту социальную основу, на которую только и могли бы опереться при подходящих обстоятельствах политические права этих слоев»¹². После этого он замечает: «Но оно осталось неосуществленным. Смута нанесла окончательный удар родовитому боярству, которое было более всех других классов заинтересовано в неприкосновенности «отчин и маестностей»¹³.

Положительная оценка у Плеханова польско-литовского влияния свидетельствует, что он был далек от национальной односторонности, когда он судил об исторических вопросах.

Примечания

¹ Пронина М. В. Труд Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли»: история создания, источники. СПб., 2005. С. 71—72. На правах рукописи.

² Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 3. М., 1974. С. 263.

³ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 156.

⁴ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Там же.

⁵ РНБ АДП. В. 4447. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Изд. 6-е, испр. и доп., СПб.: Блинов, 1909.

⁶ Там же. С. 394—5.

⁷ Там же. С. 394.

⁸ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 20. М.; Л., 1925, С. 97.

⁹ Там же. С. 96.

¹⁰ Там же. С. 99.

¹¹ Там же. С. 98.

¹² Там же. С. 203.

¹³ Там же.

Н. Э. Вашикау

НЕМЕЦКИЕ СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Письма непосредственных участников как Первой, так и Второй мировой войн относятся к числу тех свидетельств, которые недостаточно привлекаются при исследовании истории. Нынешний 2014-й — год в историческом отношении особый. Исполняется 100 лет начала Первой мировой войны и 75 лет начала Второй мировой войны. В ФРГ публикуются воспоминания и исследования, посвященные дипломатическим и военным аспектам двух мировых катастроф. Немецкие историки вновь спорят о степени вины кайзеровской Германии за подготовку и развязывание Первой мировой войны, и вина по истечении времени оказывается уже не столь значительной¹.

За последние 20 лет в исторической науке значительно возрос интерес к «человеческой стороне» войны, к психологии, поведению, моральному состоянию солдата в боевой обстановке, поэтому источники личного происхождения становятся важным аргументом в споре сторон о тяжести вины и последствиях войны в данном контексте. Письма позволяют проводить более глубокий анализ исторических событий.

рассматривать отношение их авторов к происходящим явлениям. Но новое направление в исторической науке — военно-историческая антропология, базирующаяся, в том числе, на источниках личного происхождения, показывает «человеческое измерение» войны, чувства, мысли, поведение рядовых солдат. Это позволяет понять, как и насколько сильно психологическое состояние и моральный дух армии влияют на результат боевых действий.

Письма дают возможности увидеть войну «из окопа», глазами рядовых солдат. Они затрагивают корневые, микроскопические формы бытия. Эти источники свидетельствуют о прозе фронтовой жизни, которая часто скрыта в бравурных отчетах командования.

Особенность писем — это однотипность их содержания. Краткая справка о здоровье, пожелания счастья и благополучия, описание обстановки на фронте. Крайне редко встречаются размышления о причинах возникновения конфликта, анализ событий.

В экстремальных условиях войны, под влиянием опасностей, трудностей, постоянного морального и физического напряжения, действие эмоционального фактора приобретает особенно интенсивный характер. При этом в бою с одинаковой вероятностью могли проявиться прямо противоположные коллективные настроения: с одной стороны, наступательный порыв, с другой — групповой страх, уныние, обреченность, способные в определенной ситуации привести к панике. Солдаты видели, сколько боевых товарищей погибало каждый день, и понимали, что выжить в таких условиях очень трудно. В своих весточках домой они часто прощались с родными, писали о том, что могут не вернуться.

В этих условиях, когда возрос интерес читателя к истории Первой мировой войны, очень поучительной является переписка между членами простой крестьянской семьи первой половины XX века, охватывающая две войны².

Небольшая деревня Наундорф (земля Саксония-Ангальт) — родные места Франка Шумана, известного еще из ГДРовских времен публициста. Здесь на чердаке предназначенного к сносу дома им были найдены картонные коробки с письмами полевой почты, фотографиями, старыми талонами продуктовых карточек... Документы, судя по адресатам, принадлежали нескольким поколениям одной крестьянской семьи. Глава — Карл Фалькенгайн, его жена Минна, его пасынок

Эрих Донат (он носил фамилию своего отца, первого мужа Минны), их дочь, тоже Минна, ставшая хозяйкой дома и в 1928 г. вышедшая замуж за жителя соседней деревни Отто Гассе, их дочь Маргот, ставшая последней хранительницей семейного архива.

В истории самой обычной немецкой крестьянской семьи особое место занимает время двух мировых войн. Карл и его приемный сын участвовали в Первой мировой войне. Эрих погиб на Восточном фронте в 1915 г. Карл умер от туберкулеза через 9 лет после заключения мира. Отто в 1941 г. был призван в вермахт и умер в плену, в госпитале в сентябре 1945 г. Несколько сот найденных писем относятся к двум весенным периодам, когда мужчины покидали дом. Необходимости в семейной переписке в мирные времена не возникало.

Естественно, жизнь двух семей — Фалькенгайнов и Гассе — ничем не отличались от сотен тысяч немецких крестьянских семей: те же повторяющиеся из года в год заботы: пахота весной и уборка урожая, заготовка кормов для скота, болезни детей, церковные службы, цены, налоги... Но, благодаря публикации 200 писем и многочисленных семейных фотографий, читатель получает уникальную возможность увидеть в этих как бы малозначительных деталях отражение менявшегося характера германского общества, а главное — он может сопоставить макро-и микроизмерения мировых катастроф, узнать, как войны вошли в жизнь людей (и на фронте, и в тылу), как войны изменили их бытие.

Переписка с домом призванных в рейхсвер Карла Фалькенгайна и Эриха Доната началась осенью 1914 г. В письмах нет никаких признаков той шовинистически-верноподданической истерии, которая поначалу охватила германские города, нет веры в то, что война скоро кончится. В ноябре 1914 г. в Наундорф пришло первое известие о погибших на Восточном фронте, и такие новости стали повторяться едва ли не в каждом письме Минны, направленном мужу и сыну: «Сколько еще людей отадут свою жизнь?»; «Вновь и вновь приходят сообщения, что кто-то убит»; «Я не верю, что когда-нибудь наступит мир... Один за другим они уходят туда, и никакого конца не будет, пока всех не поубивают»³.

Дивизию, где служит Эрих, бросают в наступление на территорию Царства Польского. Рейхсвер наступает, но потери велики. В феврале 1915 г. он пишет матери: «Мы не хотим ничего, кроме мира, чтобы все,

наконец, пришло в порядок»⁴. Через месяц он погиб под городком Болимов, где незадолго до этого, пытаясь овладеть Варшавой, немцы (во второй раз после Ипра) пустили в ход химическое оружие. Из груди матери вырывается стон: «Я больше не могу. В этом виновата проклятая война». Эти слова — «проклятая война» — повторяются в письмах Минны десятки раз. Она ищет утешения в религии: «Господь, не оставь меня, помоги мне, верни домой моего мужа. Сына я уже потеряла, теперь потеряю мужа»⁵.

Обстановка в тылу приближалась к критической: «Люди говорят: будет еще хуже. Нищета и дороговизна такие, что выдержать нельзя»; «Вокруг одна горечь, и все хуже становится... О конце нечего и думать. Уже и бечевки не купишь»⁶. Не помогало и то, что в деревне работали пленные русские и французы. Общей становилась мысль о том, что Германия неминуемо потерпит поражение. Минна в письме к мужу в августе 1916 г.: «Каждый, у кого есть разум, понимает, что о вашем возвращении домой не может быть и речи... Все это не закончится, пока люди не поубивают друг друга. Ненависть народов чересчур велика... Чего же мы там хотим?»⁷. И в апреле 1917 г.— невозможное, казалось бы, прозрение: «Здесь, у нас скоро произойдет то, что произошло в России,— революция». Через два месяца: «До осени что-то должно произойти на русском фронте»⁸.

Врагами немцев оказываются не французы или русские, а «большие люди», которые «радуются тому, что бедных все больше становится»; «Сегодня все идет на пользу большим людям, а рабочие все равно, что нуль». А это значит, что «народ должен покончить с этой проклятой войной»⁹.

Образ врага — важная составляющая в формировании ненависти к противнику, которая являлась непременным условием боеспособности армии, мощной мотивацией их готовности к самопожертвованию, к битве не на жизнь, а на смерть. Карл Фалькенгайн, который был ранен незадолго до гибели пасынка, в апреле-мае 1917 г. сообщал жене (правда, в осторожной форме) о фактах братания с русскими солдатами: «Нас должны сменить, потому что мы чересчур долго здесь и нашли общий язык с русскими»; «четверо солдат нашей роты перебежали к русским. Они часто уже бывали там и приносили оттуда хлеб». Он достаточно долго воздерживался от радикальных высказываний, но весной и осенью 1918 г. и у него вырвалось: «Сейчас все люди живут

как дикие звери»; «Никто не верил, что эта проклятая война продлится так долго, никто не знает, сколько этот обман еще будет продолжаться и когда мы снова будем жить в любви и мире»¹⁰.

Письма двух мировых войн должны как дидактические материалы присутствовать в учебных пособиях для учителей и учебниках истории, чтобы наглядно можно было видеть бессмысленность и беспощадность военными средствами устанавливать мировое господство.

Примечания

¹ См., например, книгу австралийского историка Кристофера Кларка: Clark Ch. Die Schlafwandler. Wie Europa in den Ersten Weltkrieg zog. München, 2013.

² Was tun wir hier? Soldatenpost und Heimatbriefe aus zwei Weltkriegen. Herausgegeben von Frank Schumann. Berlin, 2013.

³ Ibid. S. 17, 51, 53.

⁴ Ibid. S. 32.

⁵ Ibid. S. 55, 72.

⁶ Ibid. S. 78, 89.

⁷ Ibid. S. 83.

⁸ Ibid. S. 96.

⁹ Ibid. S. 96, 117, 121.

¹⁰ Ibid. S. 118, 128.

Э. Н. Рудык

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ: К СПОРУ В. И. ЛЕНИНА С Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ

1. Отношение лидеров российских социал-демократов к Первой мировой войне во многом, как и к русско-японской, определялось в принципиальном плане разными позициями в вопросах. Во-первых, марксистского понимания войны. Во-вторых, смены правящего в стране режима: революционным путём или реформистским. В-третьих, допустимости использования военных неудач императорской России как катализатора свержения царизма. В-четвёртых, возможности принятия помощи от противника в различных формах (финансовой помощи, помощи в доставке в находящуюся в состоянии войны Россию пропа-

гандистской литературы пораженческого характера и т. п.). В-пятых, геополитических последствий для страны поражения русской армии.

2. Вождь большевиков — В. И. Ленин в ряде своих работ¹, как и другие социалисты того времени, осуждал войну как феномен, неискоренимый в досоциалистическом периоде человеческой истории. Вместе с тем, он требовал проведения оценки каждой войны в отдельности, выделяя из них *реакционные войны*, ведущиеся ради порабощения других стран и народов, прибылей капиталистов и выгод правящих в Европе династий, которые нельзя оправдать, как это было, в частности, заявлено в Манифесте о войне, принятом единогласно на Базельском конгрессе международной социал-демократии в 1912 году, и *прогрессивные войны*. Прежде всего, Ленин к ним относил гражданские войны — войны «угнетенного класса против угнетающего класса», «наёмных рабочих против буржуазии», за освобождение трудящихся от феодального и капиталистического гнёта.

Лозунгом подлинных социалистов в России, должен, по Ленину, стать лозунг превращения Первой мировой войны — войны империалистической — в гражданскую войну. Свержение царизма ставилось в прямую зависимость от поражения русских войск в войне, тем более, что «царизм сто раз хуже кайзеризма» (письмо В. И. Ленина к А. Г. Шляпникову от 17 октября 1914 года).

Отказ большинства лидеров социалистических партий, перешедших на позицию защиты своего отечества, следовать решениям Штутгартского (1907 г.), Копенгагенского (1910 г.) и Базельского (1912 г.) международных социалистических конгрессов, определивших тактику социалистов в условиях грядущей мировой войны — содействовать поражению «своего» правительства в целях свержения капиталистического строя, Ленин квалифицировал как предательство дела социализма.

В итоге, только в России лозунг радикальной части социал-демократии поражения «своего» правительства был не только провозглашен, но и наполнен реальным содержанием объективно к выгоде Германии и её союзников.

3. Представители реформистского течения российской социал-демократии при определении своего отношения к Первой мировой войне, прежде всего, отказались от лозунга «У пролетариев нет отечест-

ва», провозглашенногов «Коммунистическом манифесте» К. Маркса и Ф. Энгельса. Уже в августе 1893 года на Цюрихском конгрессе Интернационала Г. В. Плеханов выступил резко против предложений отвертить на объявление войны всеобщей забастовкой либо отказом от несения военной службы.

Свою позицию Плеханов аргументировал различием «политических весов» входящих в Интернационал партий. Например, больших — у германской социал-демократической партии и малых — у российской, которая находилась еще в зачаточном состоянии. «Предположим,— вопрошал Плеханов,— что в случае войны с этой страной (Россией — Э. Р.) нашим германским друзьям удалось сорганизовать у себя военную забастовку, что получилось бы? Русская армия покорила бы Центральную Европу и вместо близкого торжества социализма, мы имели бы торжество казаков»².

Объявление Германией 19 июля (1 августа) 2014 г. войны России, а через два дня — Франции, которое ознаменовало начало Первой мировой войны, привело Плеханова — непримиримого противника царизма к переходу на позиции активного «оборонца», желающего победы русской армии. А. Балабанова — бывшая ученица Плеханова и один из лидеров итальянских социалистов — вспоминала, как потрясла её фраза Плеханова: «Что касается меня, если бы я не был стар и болен, то пошел бы в армию. Мне доставило бы огромное удовольствие поднять на штык ваших немецких товарищей»³.

В качестве обоснования такой позиции Плехановым были выдвинуты следующие доводы: Германия — нападающая сторона, её победа не только приведёт к утрате Россией приморских территорий — ворот России в Европу, превращению её в германскую колонию, в рынок сбыта германских товаров, отбросит страну на многие десятилетия назад, но к потере Россией шанса на долгие годы покончить с царизмом («Письмо к русским социал-демократам»).

Лозунг Ленина о поражении российского правительства Плеханов считал не только антипатриотическим, но и предательским по отношению к стране. 5 мая (22 апреля) 1917 года в его газете «Единство» на первой странице жирным шрифтом было напечатано воззвание, подписанное Г. В. Плехановым, Л. Г. Дейчем и В. И. Засулич. В нём говорилось: «Гражданки и граждане! Отечество в опасности! Не надо гражданской войны! Она погубит нашу молодую свободу. Необходи-

мо соглашение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с Временным правительством. Нам не надо завоеваний, но мы не должны дать немцам подчинить себе Россию. Каждый народ имеет право свободно распоряжаться своей судьбой. Вильгельм германский и Карл австрийский никогда не согласятся на это. Ведя войну с ними, мы защищаем свою и чужую свободу»⁴.

4. Спор В. И. Ленина и Г. В. Плеханова о том, какой критерий должен превалировать при оценке военных конфликтов в мире и в отношении к ним левых сил — социальный или geopolитический (последний игнорируют, либо, по меньшей мере, недооценивают многие российские левые, в то время как большинство «государственников», принадлежащих к правому сектору политических сил, игнорирует социальный аспект) не только сохраняет свою актуальность в современных российских условиях, но и его усиливает. Россия — страна с ущербной политической демократией, системной коррупцией, доминирующим положением в экономике крупной, в основном, компараторской буржуазии, слабым рабочим и профсоюзов движением — поставлена перед жестким выбором. Либо отстоять с небольшими шансами на успех, учитывая военное и экономическое превосходство захватчиков, пока ещё потенциальных, свою суверенность, целостность и жизнь её народов, либо пассивно ждать своей печальной участии, надеясь, как нередко бывает в нашей истории, лишь на русский «авось».

Примечания

¹ Прежде всего, в тезисах «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», Манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», брошюре «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)» и статье «О поражении своего правительства в империалистской войне».

² Социалисты Запада и России в первой мировой войне // www.plam.ru/hist/politicheskie_dejateli.../p6.php (Дата обращения 10.04.2014).

Аналогичную позицию заняли вождь немецких социалистов А. Бебель, выступая в германском Рейхстаге: «Мы не хотим, чтобы наша страна начала войну, как грабитель. Но если какой-нибудь другой народ нападёт на Германию, то я первый пойду защищать свою страну», а также лидер и совесть французских социалистов Ж. Жорес: «Мы знаем, что на совести наших отечества много несправедливости... мы боремся с её грехами, но мы любим ее и не дадим в обиду в случае нужды, ... если бы случилось, что какой-нибудь другой

народ напал бы на Францию, то мы, социалисты, умерли бы в первых рядах ее защитников». В качестве другого аргумента в пользу занятой ими позиции в данном вопросе, А. Бебель и Ж. Жорес приводили неспособность Интернационала обеспечить в случае объявления войны единство действий пролетариата в международном масштабе, что чревато поражением передовых стран, социалисты которых «связали руки своему народу» при защите отечества от нашествия стран, где господствуют реакционные режимы (там же. Дата обращения 10.04.2014).

³ Социалисты Запада и России в Первой мировой войне www.plam.ru/hist/politicheskie_dejateli.../r6.php (Дата обращения 10.04.2014).

⁴ Там же (Дата обращения 10.04.2014).

Д. И. Стогов

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ПРАВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В период, непосредственно предшествовавший Первой мировой войне, члены правых (монархических, черносотенных) организаций, как правило, придерживались прогерманской ориентации, склоняясь к поддержке Тройственного Союза, в первую очередь, вследствие существования в Германии и Австро-Венгрии монархических правительств.

Как справедливо отмечают современные исследователи, «суть внешнеполитической программы крайне правых группировок в самом концентрированном виде была изложена в записке известного государственного деятеля П. Н. Дурново, поданной в феврале 1914 года царю по поручению правых членов Государственного совета»¹. В этом документе Дурново, в частности, писал: «С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится. Тройственное согласие — комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению России, Германии, примеренной с последней Франции и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японией»².

Говоря о проблеме в целом, следует отметить, что в предвоенный период правые много говорили о невыгодности войны для России; монархисты расценивали войну против монархических государств Це-

тральной Европы как, по сути дела, ослабление и ревизию самого принципа монархизма.

Безусловно, основные постулаты правой идеологии сохранили свою актуальность и в период Первой мировой войны, однако драматические события, связанные с участием России в боевых действиях против стран Германского блока, вынуждали лидеров правых несколько скорректировать свои суждения по вопросам внешней политики.

Так, практически с самого начала войны правые заявили о своей полной поддержке внешнеполитической правительственный политики, заговорив, среди всего прочего, о желании избавить братьев-славян «от тевтонских тисков»³. Идеологическая перемена в стане правых по отношению к внешнеполитическим ориентирам диктовалась разными причинами. Во-первых, и это главное, на наш взгляд, обстоятельство, монархисты как таковые не могли перечить воле монарха, и, поскольку Николай II выразил явственным образом свое желание вести войну до конца, правые так или иначе были вынуждены согласиться с новой политикой. Во-вторых, прежние представления монархистов о том, что сама идея войны непопулярна в народе (вспомним Русско-японскую войну и начавшуюся в ходе нее революцию 1905—1907 гг.), казалось бы, должны были подвергаться переоценке, так как в начале Первой мировой войны наблюдался значительный патриотический подъем в массах. И правые, таким образом, не могли перечить «воле народа», выразителями которой они себя считали.

Следует отметить, что неудачи в войне, когда постепенно, в том числе и в широких народных массах, образ «священной войны» начал меркнуть, способствовали тому, что некоторая часть черносотенцев, особенно ее крайне правое крыло, стала делать определенные намеки на то, что, возможно, следовало бы сменить или, по крайней мере, скорректировать внешнеполитический курс страны. К 1916 году, на фоне усиливающегося недовольства войной и правительственный политикой, происходило постепенное усиление германофильских настроений, которые стали выражаться, в том числе, в идеи сепаратного мира во избежание ужасов революции. Более того, некоторые крайне правые начали вести пока еще осторожные дискуссии в защиту Вильгельма II, в их заявлениях во все большей степени стали звучать германофильские нотки.

Пожалуй, наиболее красноречива в этой связи позиция видного деятеля Союза Михаила Архангела, присяжного поверенного П. Ф. Булацеля. Начавшуюся войну он воспринимал как величайшее несчастье для России, считая, что она грозит потрясениями обеим монархиям. В конце 1915 г. Булацель учредил журнал «Российский гражданин», на страницах которого начал борьбу против ставшего модным англофильства. Он полагал, что именно Британская империя — главная виновница начавшейся мировой войны, высказывая мысль, что война для Британии является выгодным громадным торговым предприятием.

В июле 1916 г. английский премьер-министр Герберт Генри Асквит произнес речь, в которой говорил о возможности привлечения к суду германского и австрийского императоров. Отповедью на выступление стала статья П. Ф. Булацеля, помещенная в № 29 «Российского гражданина». Автор отмечал, что англичане, «продвинувшиеся за два года войны на своем фронте на несколько сот метров»⁴, вменяют России в обязанность «воевать не только до тех пор, пока наши упорные, храбрые и сильные враги — германцы признают себя сломленными и согласятся на выгодный и почетный для России мир, а до тех пор, пока царствующая в Германии династия Гогенцоллернов не будет низложена русскими штыками»⁵.

В связи с этой публикацией британский посол заявил официальный протест. По требованию правительства Булацель вынужден был принести послу Дж. Бьюкенену извинения⁶, а «Российский гражданин» подвергли предварительной цензуре⁷.

Антианглийское, по своей сути, выступление публициста, к тому же направленное в защиту германского императора Вильгельма II как носителя монархического начала, вызвало бурный протест ряда правых деятелей англофильского направления. В частности, Булацель был исключен из Союза Михаила Архангела⁸. Однако он не изменил своих взглядов и, когда цензура была снята, продолжил антианглийскую кампанию.

Далеко не все правые придерживались взглядов, аналогичных суждениям П. Ф. Булацеля, в своем большинстве по-прежнему занимали антигерманскую позицию и вели активную борьбу против «германофилов», прежде всего, на страницах периодической печати. Они, подобно политикам из буржуазных партий (октябристы, кадеты), сохранили антигерманскую позицию, выступали за полный разгром Герман-

ского блока и стали заявлять о том, что Россия в случае возможной победы должна получить определенные материальные выгоды (территориальные приобретения, компенсации и т. д.)⁹.

Итак, начало Первой мировой войны привело к тому, что практически все монархисты, даже крайне правые, неизбежно были вынуждены скорректировать свои внешнеполитические представления, заявляли о необходимости борьбы с «немецким засильем». Однако последующие неудачи в войне, рост протестных настроений среди населения способствовали тому, что часть правых, прежде всего, крайне правые, свернули антигерманскую риторику и, по сути дела, вернулись на прежние позиции, хотя и в несколько завуалированном виде, ибо цензура не позволяла в условиях войны высказывать откровенно прогерманские суждения. Одновременно они начали критиковать английскую политику. Вместе с тем, подобного рода воззрения все же не стали доминирующими в стане правых, даже в условиях надвигающейся революции. Подавляющее большинство монархистов по-прежнему и в конце 1916 г., и даже в начале 1917 г. выступало с полной поддержкой внешнеполитического курса страны.

Примечания

¹ История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1999. С. 396.

² Дурново П. Н. Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павловича // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 199.

³ Русское знамя. 1914. 3 августа.

⁴ Дневники издателя П. Ф. Булацеля. Г. Торжок. Пятница, 22 июля 1916 г. // Российский гражданин. 1916. 31 июля. № 29. С. 14.

⁵ Там же.

⁶ Подробнее см.: Дневники издателя П. Ф. Булацеля. Петроград. Среда, 10 августа 1916 г. // Российский гражданин. 1916. 14 августа. № 30. С. 14—15.

⁷ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 585—586.

⁸ Подробнее см.: Карцов Ю. С. Хроника распада [воспоминания] // Дом русского зарубежья имени А. И. Солженицына. Ф. 2. Оп. М. Д. 76. Л. 312.

⁹ См.: Тарасов О. А. Политическая деятельность национал-монархических партий и организаций России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 12.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ОККУПИРОВАННЫХ ГОРОДОВ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ

Со времени начала Первой мировой войны прошло уже сто лет, однако многие аспекты ее истории до сих пор остаются неизученными. К примеру, из двух смежных тем — судеб беженцев и жителей городов, занятых немцами, — первая раскрыта значительно лучше, поскольку достаточно хорошо обеспечена источниками. Тем больший интерес для ученых представляют материалы по второй теме. В нашем расположении оказались записки жителя Вильно, пережившего немецкую оккупацию города, по имени Шлойме Клейт¹. Будучи достаточно краткими, они, тем не менее, содержат ряд важных обобщений. Мы приводим собственный перевод фрагментов его мемуаров с идиша.

К началу Первой мировой войны Вильно был многонациональным городом, большинство населения которого составляли поляки, евреи, литовцы и белорусы. Русские были сравнительно немногочисленны. Среди городов черты еврейской оседлости Вильно занимал совершенно особое место, являясь интеллектуальным центром всего восточноевропейского еврейства. В Вильне существовала разветвленная сеть еврейских организаций — религиозных, благотворительных, общественных и культурно-образовательных. Здесь также было развито еврейское рабочее движение: не случайно именно в Вильно в конце 1890-х гг. сложился, а затем и оформился организационно Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд).

Шлойме Клейт, который был и членом Бунда, и активистом профсоюзного движения, отметил, что городские жители поначалу не оказывали немцам сопротивления — даже наоборот: смена властей вызвала, скорее, воодушевление. Поляки надеялись с помощью немцев воссоединиться со своими соотечественниками в Польше, а евреи были счастливы избавиться от притеснений царской власти, резко усилившихся в военное время. Обвинения в шпионаже, погромы, тотальное выселение евреев из Ковенской губернии привели к тому, что даже строгости, введенные немцами (военное положение, комендантский час, цензура, запрет на сообщение с любыми иными населенными

пунктами и т. д.) не могли поколебать общего настроения — люди буквально вздохнули с облегчением.

Немцы начали свое пребывание в Вильно с того, что резко ограничили деятельность городского комитета, временно заменившего гражданскую власть, и разоружили милицию, созданную при нем. В то же время они легализовали рабочее движение. «Желая продемонстрировать свои добрые намерения, немцы передали Центральному бюро профессиональных союзов здание Клуба железнодорожников, которое ранее принадлежало русскому правительству. Профсоюзы не вели никакой экономической работы, они сосредоточились исключительно на помощи рабочим. С этой целью были учреждены столовые и потребительские кооперативы», — пишет Ш. Клейт². Создание столовых (иначе — «кухонь») было одной из самых насущных задач, т. к. система распределения продуктов,веденная немецкими властями, была такова, что в городе начался голод. «В кухнях тысячи рабочих семей получали свои обеды. Так называемые обеды, поскольку кроме еды в середине дня ничего не было. Хотя в начале оккупации начались, было, ужины, состоявшие из стакана питья и ломтя хлеба, это впоследствии прекратилось, поскольку не было возможности достать продукты. Питание отпускалось за небольшую сумму; те, кто ею не располагал, получали еду бесплатно», — продолжает мемуарист³.

Ш. Клейт подчеркивает, что состав профсоюзов в Вильно был интернациональным. Рабочие объединения христиан и евреев проводили совместные собрания, выбирали руководящие органы, но им очень мешало разноязычие. Это привело к созданию внутри профсоюзов особых национальных отделений под общим названием «Культурная секция профессионального союза».

Шлойме Клейт был членом одной из таких секций, а именно, еврейской, с момента ее создания. Он вспоминал, что «„Культурная секция“ фактически руководила всей работой по оказанию помощи на еврейской рабочей улице. При ней был создан потребительский кооператив с собственной пекарней»⁴. Одновременно «Культурная секция» попыталась принять участие в распределении гуманитарной помощи, оказанной виленским евреям их американскими собратьями.

Объединенный американский еврейский распределительный комитет (Джойнт), основанный осенью 1914 г. с целью оказания помощи евреям Восточной Европы, направил крупную партию гуманитарной

помощи голодающим в Вильно. Но на ее пути встало неожиданное препятствие. Вследствие жесткой централизации, введенной немецкими властями, любые посылки такого рода шли через Германию. Поэтому первыми американскую помощь, адресованную виленчанам, получили берлинские еврейские общественные фонды помощи. Они постановили распределить продовольствие среди виленских евреев через благотворительную организацию, именуемую Цдока Гдола^{*}. Сопровождать груз вызвался доктор Гантке, известный сионист и председатель берлинского объединения помощи. Как и все немецкие евреи, он был настроен патриотично и хотел знать, довольно ли еврейское население Вильно тем, что «русских казаков» сменили немцы. Однако на заседание Цдока Гдола явились представители Культурной секции профсоюзов, которые пригласили с собой нескольких наиболее нуждавшихся рабочих, сочувствовавших Бунду. Надо ли говорить, что их мировоззрение отстояло куда как далеко от идеалов сионизма. «Когда Гантке услышал речи рабочих, это ему далеко не понравилось», — вспоминал Ш. Клейт, присутствовавший при этом⁵.

Этот случай послужил отправной точкой в цепи событий, приведших к невиданной доселе в традиционном обществе реформе еврейской общины: вместо прежней Цдока-Гдола в Вильно было создано центральное правление всех еврейских организаций с весьма широким представительством. Горожане так и называли его: «Центральное», без дальнейших уточнений, понимая, о чем именно идет речь. Ш. Клейт также вошел в этот орган, просуществовавший относительно недолго, но оставивший заметный след в истории Вильно. К примеру, Центральному в первые же недели его работы удалось открыть еще две рабочие столовые и детский дом, где дети могли находиться с утра до вечера, учиться, отдыхать и получать горячую пищу.

Летом 1917 г. немецкая власть, опасаясь, что растущий в городе голод может привести к эпидемиям, разрешила Центральному отправить часть нуждающихся еврейских семей в деревни на севере Литвы. Для этого был выделен специальный транспорт, а главное — выправлены документы, дающие право беспрепятственного передвижения по оккупированным территориям. Несмотря на это, в дороге имел место не-

* Дословно — «Великая милостыня» (ивр.). Название благотворительных обществ, распространенных в традиционных еврейских общинах.

приятный инцидент: группа военных сделала попытку воспрепятствовать свободному проезду еврейских семей, задержать женщин и детей, а мужчин увести на принудительные работы. Лишь благодаря счастливой случайности путешествие закончилось благополучно, и большая группа виленских евреев в назначенный срок прибыла в окрестности Поневежа.

«В деревнях немецкая власть открыла для нас дома богачей, убежавших в Россию, а также их сады и наделы земель для обработки. После пережитых в городе голодных времен деревня, с ее свежей зеленью действительно казалась раем, и по моему собственному убеждению, [...] мы должны осознать свое нынешнее положение и остаться в деревне. Поскольку земли, которые нам дали, ранее принадлежали богачам, а после революции отойдут к крестьянам», — писал Ш. Клейт⁶.

Здесь, само собой, напрашивается сравнение с временами другой немецкой оккупации Вильно, последовавшей менее чем через три десятилетия. Гитлеровцы изначально рассматривали евреев как лишенных каких-либо прав, включая главное — право на жизнь. Представить себе, чтобы во время Второй мировой войны немецкие власти по собственной инициативе разрешили переезд голодающих евреев в деревни, да еще и позволили им использовать деревенские наделы, решительно невозможно. Однако анализ причин возникновения и развития человеконенавистнической идеологии нацизма выходит за рамки нашей темы.

Осенью 1917 г. большинство евреев, выезжавших в литовские деревни, вернулось обратно в Вильно. За время их отсутствия обстановка в городе изменилась к худшему. «Можно было подумать, что весь Вильно тогда был концентрационным лагерем, а население превратилось в арестантов, с которыми немцы делали, что хотели [...] Несмотря на строгости военного режима, рабочие намеревались повести борьбу с немецкими властями за свои требования. В те времена главным из требований была пища. Едва немцы принялись уменьшать порции еды, Центральное бюро профессиональных союзов организовало женскую демонстрацию на Лукишском рынке, что напротив комендатуры. Это была крупнейшая демонстрация за все времена оккупации. И хотя вооруженные солдаты и начали стрелять, демонстрация принесла желанный успех: порции еды были увеличены», — рассказывал мемуарист⁷.

Несмотря на жестокий голод, который мучил тогда Вильно, и на все усилия, направленные на то, чтобы хоть как-то смягчить этот голод, еврейские рабочие не отдалились от культурной работы. Для этого использовалась любая легальная возможность. Вновь открылись вечерние школы, закрытые с началом войны. Взрослые стремились получить в них начальное образование. Также открылись народный университет и еврейское рабочее объединение по искусству. Эти последние располагались на Александровском бульваре (в здании некогда знаменитой гимназии Кагана) и принимали большое участие в жизни рабочих. У Еврейского рабочего объединения по искусству имелся прекрасный хор, периодически выступавший с концертами. Здесь также воспитывались артисты, позднее известные как легендарная «Виленская труппа».

Предпринимались и попытки легализовать политическую деятельность. В частности, Бунд обратился в полицию за разрешением открыть политический клуб. Полицию тогда возглавлял генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург — главнокомандующий на Восточном фронте. Тот ответил: «Поскольку в клубе должны быть представлены все политические партии, имеющиеся в России, и поскольку Бунд никогда не был российской политической партией, то и открытие клуба Бунду не разрешается»⁸. Гинденбург верно отметил, что Бунд не был политической силой в России, однако вся профсоюзная и культурная деятельность фактически возглавлялась Бундом. Кроме того, Бунд выпустил прокламацию, призывающую горожан неходить на принудительные работы, на которых немцы предполагали задействовать едва ли не все население Вильно. В итоге удалось мобилизовать только тех, кто физически мог выдержать работу в лесах и на полях.

После Февральской революции в России общественно-политическая жизнь в Вильно заметно активизировалась. Ш. Клейт в своих записках рассказывает об этом лишь вскользь. Гораздо подробнее он описывает деятельность Рабочего совета, избранного в конце 1917 г. и сразу же выдвинувшего ряд политических требований к немецким властям. Первое из них касалось освобождения политзаключенных. В случае, если бы они не были освобождены в течение месяца, Рабочий совет оставлял за собою свободу действий.

«Это случилось в первый рождественский вечер. Комиссия Рабочего совета направилась на электростанцию и в Лукишскую тюрьму. С

помощью немецких солдат, которые были социалистами, комиссия проникла в тюрьму. В тот самый момент электростанция прекратила работу, и комиссия освободила арестованных. Автор этих строк был одним из членов комиссии. Когда мы просматривали в канцелярии книги учета арестантов, мы обратили внимание на группу из 15 человек, осужденных на смерть за убийства. Они объяснили, что преступление произошло в деревне и было связано с немецкими солдатами, поэтому в глазах немцев те были убийцами. Мы их освободили. До сих пор не могу забыть их полный благодарности взгляд, брошенный на нас», — писал Ш. Клейт⁹. Успех этой и иных подобных акций свидетельствует о необычайно высоком уровне организации рабочего движения в Вильно, несмотря на некоторые разногласия в рядах социалистов по вопросу о послевоенном устройстве государства вообще и будущем Вильно, в частности (каждая из национальных социалистических партий — польская, белорусская, литовская и Бунд — имела свое видение проблемы). В борьбе же с немецкими оккупационными властями все они были едины.

«После трех лет оккупации немцы ушли из Вильно в далеко не столь праздничном настроении, в каком они пришли. Оглядываясь назад, видно, что в городе имелись возможности для рабочего движения, пусть и весьма ограниченные», — подвел итоги мемуарист¹⁰.

Ценность записок Шломе Клейта заключается не только в последовательном изложении событий, свидетелем или участником которых довелось быть автору, но и в его способности к общению. Поэтому его воспоминания почти не нуждаются в комментариях. Отметим лишь один немаловажный аспект.

Одной из важнейших составляющих помощи пострадавшим от военных действий — в т. ч., и жителям оккупированных городов, — была культурная работа. Для евреев как политически дискриминируемой в Царской России национальности это имело особое значение. В годы Первой мировой войны сложилась парадоксальная ситуация, никогда более не повторявшаяся в истории: еврейская культура не только не погибла, но и получила мощный импульс к развитию. Немалая заслуга в этом принадлежала общественным деятелям, и этот заключительный вывод хотелось бы особо подчеркнуть.

Примечания

¹ Kleyt Sh. Di arbeter bavegung in Vilne in der tsayt fun der daytsher okupatsie // Vilne : A zamlbukh gevidmet der shtadt Vilne.— Nyu York, 1935.— Z. 223—236 (на идише).

² Клейт Ш. Указ. соч. С. 225.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 227.

⁵ Там же. С. 228.

⁶ Там же. С. 229.

⁷ Там же. С. 231.

⁸ Цит. по: Kleyt Sh. Di arbeter bavegung... С. 231.

⁹ Там же. С. 234.

¹⁰ Там же. С. 236.

A. A. Куренышев

РУССКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР-ТЕРРОРИСТ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. ВОЕННЫЕ ОЧЕРКИ Б. В. САВИНКОВА 1914—1915 гг.

«Во Франции во время войны» — книга, написанная Борисом Викторовичем Савинковым специально для русского читателя, переправленная для публикации в России в 1916 г. «Из всего литературного наследия Б. В. Савинкова-В. Ропшина этот сборник фронтовых корреспонденций оказался на родине наименее замечен», — считают авторы современной публикации савинковских очерков¹. По их мнению, патриотический пафос работ Бориса Викторовича в 1916 г. уже не удовлетворял пораженчески настроенной «передовой части русской общественности». Россия, по их мнению, уже стояла на пороге революции и посему патриотические сентенции бывшего террориста уже никого в оппозиционном царизму политическом истэблишменте никому не были интересны. Таким образом, авторы вольно или невольно заявляют о том, что пораженчески по отношению к своему правительству были настроены не только Ленин и кампания, но и большинство так называемых либералов из «Прогрессивного блока», и даже националисты и записные монархисты. Патриотизм, однако, очень скоро опять понадобился для борьбы с большевиками, выведшими путем революции страну из империалистической войны и для попыток продолжить вой-

ну на стороне союзников из Антанты. По этой, как мы полагаем, причине двухтомник Савинкова все же был издан на Родине в 1918 г. в небезызвестном издательстве «Задруга», принадлежавшем партии народных социалистов, коих иногда причисляли к своеобразным эсеровским меньшевикам. А что давали эти очерки, этот вид литературной работы самому Борису Викторовичу? На наш взгляд, и война, и революционно-террористическая деятельность давали ему возможность выхода из затхлого мира обывательщины и обыденности. Острые ощущения давала ему как игра со смертью, так и ее описание в формах, весьма натуралистических. Да, к 1911 г. Савинков как террорист закончился. Закончилось и время террора. Он стал не нужен тем силам, которые его создавали, пестовали и использовали

По очеркам Савинкова можно составить довольно полную картину Первой мировой войны. Он показывает разные стороны этого, в общем, трагического события. Конечно, его симпатии, в основном, на стороне союзников России — англичан и французов. Их он старается изобразить в соответствии с традиционными представлениями об этих нациях. Англичане у него спокойные, уравновешенные, рассудительные, знающие себе цену и уверенные в своих силах люди. Французы — экспансивные, живущие больше чувствами, нежели разумом, восторженные патриоты. Отображает Савинков в своих очерках и представителей народов огромных колониальных империй Франции и Великобритании. Они у него, также, изображены традиционно, если не сказать шаблонно: как дикари, стоящие на более низком, чем европейцы уровне культуры... Но немцы в изображении Савинкова выглядят еще более дикими варварами, чем даже индийцы и африканцы. Сикха, Савинков описывает совсем иначе, нежели представителя другого индийского народа гурку. «Сикх — как русский крестьянин, добродушен, вынослив и терпелив. Он иного цвета, чем я, но я не чувствую враждебного отчуждения. Я не умею с ним говорить, но мне кажется, что я понимаю его без слов. Гурка ночью ползет, как змея. Режет. Радостно убивает. Сикх отсиживается в траншее, мокнет, ждет, как раб, приказания. Он идет в атаку без гнева, только потому, что нельзя не идти, что на войне нельзя не убить. Я крепко жму ему руку. Он улыбается во весь рот. Где я видел эту улыбку? В Рязанской губернии, у приятеля — егеря Ваньки? Или на вербах, поле? На Девичьем поле в Москве скелетообразный шотландец мне говорит: — Гурка храбр и жесток,

сих беззлобен и смел». О немцах Савинков пишет: «Я желал одного,— чтобы Немцы, те немцы, которые осквернили французскую землю, как разбойники, пришли в покинутые дома, как гуаны, истоптали посевы, как звери, не пощадили детей,— чтобы эти «культурные немцы, все до последнего человека, потонули в Маасе. Как уланы. Как воинство Фараона. Я почти был готов повторить: «Око за око и зуб за зуб». Кто умеет прощать, тот пусть осудит меня»². Затем он, однако, меняет тональность: «Немцы —твёрдый и храбрый враг. В Париже смеются над ними? Какая ошибка. Их нужно победить, и мы победим. Но презирать? Но издеваться? Но не видеть их силы»... Пишет Савинков далее³.

«Мы боремся не на жизнь, а на смерть. Мы боремся за уничтожение милитаризма — то есть, в сущности, за уничтожение Гогенцоллернов и Вильгельма. А разве легко победить многочисленный, храбрый и хорошо вооруженный народ? Я думаю, что война будет долгой»,— писал Савинков⁴.

О французах Савинков пишет так: «У французов есть одна врожденная очаровательная черта,—уважение к личности, к человеку, ко всякому человеку, будь это генералиссимус или запасный солдат, священник или рабочий, банкир или нищий»⁵. «Немец так же храбр, так же вынослив, так же самоотвержен в бою, как француз, но он не свободен, он не уважает достоинства человека». «Для немца личность не свята, свято общество, толпа, государство, свят его общественный муравейник,— могущественная Германия»...⁶

О войне в целом и о роли Франции в ней, в частности, Савинков писал: «и я спрашиваю себя: смысл этой, невиданной доселе, войны не заключается ли в газетной случайно брошенной фразе,— «право победит Силу. Немецкий профессор Иеринг, по книгам которого мы учились, доказал нам научно, что «право есть сила», что «сила ломит солому». На наших глазах, простой французский солдат,— человек достоинства и свободы, доказывает, что высоко ученый профессор не прав. И какая тьма воцарилась бы в мире, если бы победил не вышедший из народа неведомый капитан Жерар, а знаменитый Herr Geheimrath von Ieling. И разве можно жить в такой тьме?» —ставил риторический вопрос Савинков⁷.

Помимо тягот и ужасов фронтовой жизни, рассуждений о варварстве Вильгельма и немцев вообще, Савинков описывает жизнь и быт-

ые условия интернированных подданных Германии, Австро-Венгрии, немцев, венгров, поляков и даже чехов. Все они, люди давно и прочно обосновавшиеся во Франции, порой женатые на француженках, содержались в годы войны в своеобразных концентрационных лагерях(!). Вот как описывает Савинков положение тех, в полном смысле слова, «безвинных жертв войны». «Каково «настроение» или, как говорят французы, «mentalite» заключенных? Оно не похоже на настроение военнопленных? Солдаты, взятые в плен, заранее знают, что на время войны лишаются своих прав и поневоле мирятся с этим. Наоборот, гражданские лица не могут освоиться с новой жизнью. Они не могут привыкнуть к казарме. Они не могут поверить, что они — неприятель». Они не могут понять, в чем заключается их вина, и за что их посадили в тюрьму. Отсюда — тревога, боязнь, ощущение тягостного бессилия. Они чувствуют, что бесправны и не видят, не понимают причины универсальной перемены. Разве хотели войны? Разве они объявили войну. Разве они не желают мира?»

«Представьте себе, что вас, без всякой вины, только за то, что вы русский, арестовали и заперли на замок в тюрьму. Пусть в этой тюрьме вы сыты, пусть начальство внимательно к вам,— клетка все-таки остается клеткой. Если к тому же у вас нет работы, если дни ваши — праздны,— каково должно быть состояние вашего духа? Каким томлением покажется вам ваша жизнь?»,—ставил вопрос Савинков.

Не мог не отметить Савинков и таких событий, как появление во Франции русских солдат. Сначала это были единицы, русские, умудрившиеся сбежать из немецкого плена, в который они, естественно, попали, воюя далеко на Востоке. Они, эти русские солдаты, сумели пройти до линии немецко-французского фронта далеко-далеко на Западе и попасть аж в сам Париж! «Очень это было трудное путешествие...» «Я решил убежать, чтобы стать в ряды своих братьев и защищать свою родину от злодея. Хочется нам домой: надо еще послужить...» Я передаю слова русских, серых, незаметных солдат,— владимирских и нижегородских крестьян. Мне нечего прибавить к этим словам. Здесь, в этом чужом и далеком Париже остается только повторить несмелое пожелание: «Дай вам, Господи... Желаю русским людям удачи...».— писал Савинков.

Савинков обращался к русской теме неоднократно. «Не кажется ли вам, что в русском человеке меньше ненависти и больше любви, чем в

англичанине, французы или в бельгийце, И не оттого ли это, что русский человек в глубине души уверен в своей несокрушимой силе, в том, что «где же немцу победить, если мы всей Россией встанем? и... Не в немцах опасность. Опасность в том, станет ли, захочет ли и сможет ли встать вся, до последнего человека Россия?..», — писал Савинков, выражая мысли и чувства простых русских людей.

В некоторых очерках Савинков поднимался до философских размышлений и глубоких мыслей о войне, как вселенской трагедии, войне, равно губительной для всего человечества и любого человека, независимо от его национальности, о бесчеловечности текущих событий, о жизни и смерти вообще. Савинков не приемлет легковесного или слишком ура-патриотического тона публикаций о войне, свойственных французской печати. Излишнюю, с его точки зрения, политизацию и идеологизацию войны он также не приветствует. Для него война — это повод, как и в его романах, посвященных террору, поговорить о жизни и смерти, о бренности всего сущего. «Меня преследует запах смерти. Я брожу по Троcадеро Champs Elises. Я слушаю слово о войне и не слышу. Мне чудится, что это тлеют нетрупы,— там, на Марне в усыпанной желтым песком, траншее чудится, что тлеют трупы, вокруг меня живые, но зараженные тлением люди, там на Марне, в Изере, на Эне смерть невидимо попирает смерть. Там — из напоенной кровью земли, всколосится полноценный посев здесь — не вырастет никакое зерно. Там — смерть тела, здесь — духа»⁸.

Савинков не верил в революцию в Германии. «Я,— говорил в разговоре с Савинковым один бывший французский антиимпаратрист,— знаю также, что не немецкая социал-демократия продиктует условия мира, а император Вильгельм, и что немецкая социал-демократия примет эти условия, как бы тягостны они ни были для Европы. Для того, чтобы иначе думать, надо верить в революцию в Берлине. А я не верю и не могу верить. Да и никто, конечно, не верит...»⁹. Люди, которые продолжали верить в революцию, как средство окончания мировой войны, конечно, были. Но Савинкова среди них не было... Он, как почти вся его «страшно» непримиримая по отношению к мерзкой деспотии царского самодержавия партия социалистов-революционеров, перекочевал в лагерь защитников абстрактной демократии, воплощением и олицетворением которой им представлялась Франция.

Мы помним, что оправданием войны для стран Антанты были два обстоятельства: агрессия Австро-Венгрии против заведомо более слабой Сербии и аналогичная акция Германии в отношении нейтральной Бельгии. Савинков-Ропшин немало внимания уделил как раз зверствам немцев в Бельгии, описанию героизма бельгийцев независимо от принадлежности их к валлонской, то есть франкоговорящей или фландрской германоговорящей части населения, нежеланию отказаться от своей родины, суверенитета и короля. В этом плане он оказался весьма банальным публицистом и аналитиком. Нельзя не отметить еще одной очень существенной особенности военной прозы Савинкова-Ропшина. Как многие современные историки, он старательно уходит от политики в быт, посвящая львиную долю своих писаний освещению того, «как люди жили на войне». Тяжело на войне всем: и жителям прифронтовой полосы, и пленным, и интернированным гражданам государств-противников Антанты, но тяжелее всего приходится солдатам, месяцами сидящим в окопах и траншеях, то есть в грязных сырых ямах. Это, пожалуй, главный лейтмотив очерков Савинкова. Из этого суждения он, однако, не делает вывода о том, что войну необходимо любой ценой как можно быстрее кончать или о том, что войну надо использовать для разжигания революционного движения в воюющих странах. Савинков полагал, что воевать нужно до победы Антанты над полусамодержавной, полуварварской Германией и ее союзниками ради торжества демократии, свободы и братства всех народов. С этим идейным багажом он и вернулся в 1917 г. в Россию после свержения царизма, в чем он и его политические друзья, как будто, не принимали никакого участия (?!). Хотя, на самом деле, агентура Антанты и особенно Великобритании, весьма активно вмешивалась в развитие политических событий в России.

Савинков не мог не знать о критериях определений характера войны, сформулированных К. Клаузевицем, который считал, что война есть всего лишь иная форма предыдущей политики государств, решение ее задач военными средствами. В этом случае совершенно неважно, кто на кого напал, был ли нарушен нейтралитет малых стран и народов, какими методами ведется война, на чьей территории ведутся боевые действия, подвергается ли насилию мирное население или нет. Совершенно игнорировал реваншистские настроения французских правящих кругов, стремление Великобритании нанести сокрушитель-

ный удар динамично развивавшемуся сопернику — Германии. Игнорировал он и политическую и финансовую зависимость России от стран Антанты, фактически принудивших царизм ввязаться в европейскую войну. Всего этого Борис Викторович, к сожалению, не заметил и не отразил в своих очерках, посвященных Первой мировой войне.

Примечания

¹ Савинков Б. Во Франции во время войны. Сентябрь 1914 — июнь 1915. М., 2008. С. 3.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 117—118.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ Там же. С. 122.

⁶ Там же. С. 123.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 190—191

⁹ Там же. С. 247.

Д. И. Рублев

ИСТОКИ АНАРХИСТСКОГО ОБОРОНЧЕСТВА В РОССИИ

100-летие со дня начала Первой мировой войны, которое наступит в этом году, дает повод обратиться к опыту осмысления тех событий представителями наиболее влиятельных политических партий и течений России начала XX в. Заслуживает внимания и столь неоднозначный феномен, как анархистское оборончество.

В конце XIX — начале XX вв. антимилитаризм был важной составляющей идеологии анархизма. Критика современных войн содержалась и в работах П. А. Кропоткина, разоблачившего их, как следствие борьбы капиталистических элит за передел сфер экономического влияния. Его позиция не менялась в течение многих лет. Достаточно сравнить рассуждения Петра Алексеевича о причинах современных войн, опубликованные в «Речах бунтовщика» (1885 г.) и «Современной науке и анархии» (1913 г.). В 1885 г. он писал: «Соперничество королей заменилось соперничеством буржуазных обществ. <...> Мы сражаемся теперь, чтобы обеспечить нашим крупным промышленникам тридцать процентов прибыли, баронам капитализма — господство на бирже, акционерам рудников и железных дорог — ежегодный доход в сто тысяч

франков. <...> Открывать новые рынки, навязывать свои товары, хорошие или дурные — вот что составляет основу современной политики, европейской или континентальной¹. При этом Кропоткин не делал различий между великими державами. Не изменилась его позиция и в 1913 году: «Причина современных войн всегда одна и та же: это соперничество из-за рынков и из-за права эксплоатировать отсталые в промышленности нации. <...> В самом деле, все войны, какие происходили в Европе за последние полтораста лет, были войнами ради интересов торговли, ради права эксплоатации»².

Вопросы предотвращения войн также рассматривались теоретиками анархизма. Предполагалось вести пропаганду в поддержку дезертирства. Ответом же на войну между государствами должна стать объявленная трудящимися воюющих стран всеобщая стачка, перерастающая затем в социальную революцию. Ее итогом должно было стать торжество идей анархического коммунизма. Эти идеи, в частности, получили развитие в трудах Ф. Домэлы Ньювенгейса³. Русско-японская война подтвердила антимилитаристскую позицию российских анархистов. П. А. Кропоткин осудил захватнические планы сторон: «настоящая война является торжеством самых низменных капиталистических инстинктов, против которых всякий мыслящий человек должен бороться»⁴. Его позицию разделяли и анархистские организации России. Так, анархисты-коммунисты Белостока возлагали вину за развязывание войны на «собственников» и государство⁵, призывая рабочих, крестьян и «люмпен-пролетариев» к активным действиям (стачкам, бунтам, экспроприациям, захвату земли, отказу от уплаты налогов), дезорганизующим военную промышленность и транспорт, срывающим мобилизацию. Предполагалось, что массовое антивоенное движение перерастет в социальную революцию, итогом которой станет реорганизация общества на началах анархического коммунизма: «Все богатства вы передадите в общее пользование — устроите коммуны, причем, вы там уничтожите государство, и они будут безгосударственными <...> Для этого вы должны бороться, вы должны уже дезорганизовать буржуазное общество. Босяки пусть организуют банды для нападения на собственность, рабочие — устраивайте стачки и бунты, крестьяне — берите силой землю и запасы, все, что вам нужно. Нападайте на охраняющие капитал государственные учреждения, отказывайтесь платить подати и налоги»⁶. Таким образом, мы не можем со-

гласиться с исследователями, утверждающими, что проблема «практических шагов и мер в случае начала такой масштабной войны, какой явилась 1-я мировая», не нашла серьезного отражения в теории анархизма⁷. Примерная схема действий в условиях войны не только была известна российским анархистам, но и широко пропагандировалась ими. В годы Первой мировой войны эту позицию последовательно развивало интернационалистское крыло анархистов. Его позиция выражена в «Манифесте о войне», подписанном 37-ю анархистами. Среди них были и представители российского анархизма (В. Шатов, И. Гросман-Рощин и А. Шапиро). Авторы «Манифеста» оценили войну как империалистическую, имеющую захватнический характер с обеих сторон. Ответственность за развязывание мировой войны была возложена на капиталистов, помещиков и бюрократию. Единственный способ прекратить военные действия они видели в вооружённом восстании, перерастающем в мировую социальную революцию, призванную устранить первопричины войн в лице государства и капиталистических отношений⁸. Этот документ подписали не только анархисты стран Антанты, деятели анархизма нейтральных стран (Швейцария, Португалия, Нидерланды), но и активисты из Германии (П. Шрейер) и Австро-Венгрии (И. Гавел).

Изучая тему анархистского оборончества, исследователи обычно акцентируют внимание на их призывах к борьбе в поддержку стран Антанты, как защитников демократических завоеваний трудящихся от Германии, ассоциировавшейся с милитаризмом и консервативными ценностями. Но среди анархистов были и оборонцы прогерманского толка. Среди них анархистские публицисты Э. Мюзам, Б. Вилле (Германия)⁹ и М. Кон (США)¹⁰. Правда, в России эта позиция не была представлена. Российские оборонцы скорее поддерживали позицию П. А. Кропоткина. В первом «Письме о текущих событиях», изданном в сентябре 1914 г. в газете «Русские Ведомости», он обратился к общественности России с призывом «помогать Европе раздавить врага самых дорогих нам заветов: немецкий милитаризм и немецкий завоевательный империализм»¹¹. Победа Антанты, по мнению Петра Алексеевича, должна была принести независимость или автономию национальным меньшинствам и переустройство государств на федеративных началах¹². Призыв признанного лидера международного анархистского движения поверг в шок многих его последователей. «В

частности, для нас, анархистов, что можно представить себе более трагического, чем тот тяжелый разлад, который во время войны отдал нас от любимейшего из учителей и вождей наших, П. А. Кропоткина»¹³, — писал Г. Б. Сандомирский. Некоторые, как Ш.-Й. Яновский, один из лидеров анархистского движения в США, возлагали на Петра Алексеевича вину за то, что он помешал анархистам за счет единого протеста против войны усилить свою популярность: «Положительно понять его не могу. <...> Как хорошо могли бы мы использовать войну за наши идеи, если б он и еще некоторые вдруг не стали такими ярыми патриотами!»¹⁴

Среди оборонцев оказались и другие известные в России анархисты: В. Н. Черкезов, М. И. Гольдсмит, А. А. Боровой, С. М. Романов, В. В. Бармаш и Н. Н. Русов. Русское оборончество было достаточно противоречивым явлением. Если для работ П. А. Кропоткина и М. И. Гольдсмит не был характерен национализм, совсем иначе дело обстояло с другими «анархо-патриотами». Так А. А. Боровой в опубликованной в газете «Новый» статье «Война» (1914 г.) противопоставлял добродушие славян агрессивности немцев: «Итак, не торгащиеся воожделения толкнули нас на борьбу с германством. <...> Россия — традиционно миролюбивая страна, незлобивая, легко забывающая обиды, по-славянски ленивая и безразличная. <...> Нужна была прямая, страшная угроза нашей свободе, чтобы мы встали. Нужно было, чтобы все тяжкое и тупое в германском народном гении поднялось на нас, чтобы мы закипели. И теперь мы должны кипеть гневом и ненавистью, ибо эти гнев и ненависть святые, и чем сильнее они будут в нас, тем легче мы будем иметь победу и с ней свободу»¹⁵. Открытую ненависть к германскому народу высказывал и В. Н. Черкезов, утверждавший, что германцам испокон веков присущи агрессивные устремления, ненависть к славянам и романским народам. Отрицал он и какое-либо значение достижений германской культуры и науки для всемирного прогресса, утверждая, что все свои передовые идеи и открытия немцы заимствовали у англичан и французов¹⁶. Позиция проантантовских оборонцев получила обобщенное выражение в «Декларации», выпущенной шестнадцатью анархистами 28 февраля 1916 г. Возлагая ответственность за развязывание войны на Германию, оборонцы требовали от немецких рабочих свержения кайзеровского режима и отказа от политики аннексий. Они предлагали анархистам сосредоточить свои си-

лы на поддержке вооруженных сил стран Антанты¹⁷. В качестве примеров деятельности, которой могли заняться анархисты, Кропоткин приводил осуществляемое добровольцами-рыбаками патрулирование берегов Англии и организацию доставки продовольствия¹⁸.

Существуют различные объяснения истоков анархистского оборончества и факторов, вызвавших его распространение. Прежде всего, это касается идейной эволюции П. А. Кропоткина. Самое оригинальное и необычное из них принадлежит анархисту-неонигилисту А. Н. Андрееву, видевшему истоки «оборончества» в альтруистской этике Кропоткина: «Когда люди одушевлены альтруизмом и пытаются во имя его (так ли это?) насилию навязать своё самопожертвование другим и стремятся принудительно воспитывать (внушать) взрослых людей, приходится постоянно наталкиваться на явления, подобные выступлению анархистов в указанных декларациях»¹⁹. П. Н. Милюков полагал, что П. А. Кропоткин всегда был патриотом в душе. В доказательство он привел воспоминания о беседе 10 февраля 1904 г., когда Петр Алексеевич возмущался вероломством японцев: «Мы застали Кропоткина в страшном волнении и негодовании на японское правительство. <...> Мы, конечно, не знали тогда подробностей русской политики, которая привела к этому разрыву, но как могло случиться, что противник русской политики и вообще всякой войны оказался безоговорочным русским патриотом? Кропоткин сразу покорил меня этой своей позицией, так безоговорочно занятой, как будто это был голос инстинкта, национального чувства, который заговорил в нем»²⁰. Так же рассуждал И. С. Книжник-Ветров, упоминая, что на Лондонском съезде анархистов-коммунистов-«хлебовольцев» 1906 г. Петр Алексеевич провалил антивоенную резолюцию: «он высказал предположение о возможности похода Германии на Россию, назвал Вильгельма II «коронованным жандармом» и с великой ненавистью говорил о его ко-варных планах»²¹. Трудно, однако, найти подтверждение этой версии. Более обоснованным является представление о «франкофилии» П. А. Кропоткина, как одном из основных факторов формирования его «оборонческой» позиции²². Это явление в определенной мере было характерно для многих анархистов в России. Сочувствие российских анархистов Франции имело, прежде всего, идеологические основания. В XVIII—XIX вв. здесь произошли несколько революций, в значительной мере определивших политическое развитие стран Европы и Аме-

рики. В 1870-е гг. среди секций I Интернационала во Франции широкое распространение имели идеи М. А. Бакунина и П.-Ж. Прудона. События Парижской коммуны 1871 г. рассматривались анархистами, как пример антиавторитарной революции²³. Боевые акты Равашоля, Вайяна, Анри оказали влияние на формирование тактических установок анархистов-коммунистов «чернознаменцев» и «безначальцев». Революционно-синдикалистские профсоюзы Франции рассматривались многими анархистами в России как эталон радикального рабочего движения. В итоге, не только оборонцы, но и некоторые интернационалисты в 1914 г. открыто симпатизировали Франции. «Нечего и говорить, что наши симпатии на стороне французов»²⁴, — писал, например, А. А. Карелин.

Несомненно, оборонцы испытывали влияние идей М. А. Бакунина времен франко-прусской войны 1870—1871 гг., довольно часто обращаясь к ним в полемике²⁵. Михаил Александрович был настроен резко антинемецки, порой отождествляя немецкую культуру с авторитарной милитаристской идеологией²⁶. Поражение Франции во франко-прусской войне Бакунин рассматривал, как катастрофу для социалистов и анархистов: «Я приехал потому, что глубоко убежден, что дело Франции снова сделалось ныне делом человечества и что ее падение, ее рабо-щешение режимом, который будет навязан ей прусскими штыками, было бы, с точки зрения свободы и человеческого прогресса, величайшим несчастьем, которое только может постигнуть Европу и весь мир»²⁷. Кроме того, он прогнозировал вероятность возникновения в будущем войны на почве германской экспансии в Европе, в ходе которой основными противниками Германии будут Франция и Россия.

Несомненно, на выборе оборонцев сказалось и сочувственное отношение к национально-освободительным движениям, рассматривавшимся П. А. Кропоткиным с позиции «их радикализации и перевода на социально-революционные рельсы»²⁸. На этот аспект оборончества Кропоткина впервые обратил внимание М. Пьерро, отрицавший при этом какие-либо элементы французского или русского патриотизма во взглядах Петра Алексеевича на события Первой мировой войны²⁹. Как указывает А. А. Мкртичян, «Кропоткин был горячим поборником освобождения личности, и национально-освободительную борьбу он рассматривал как необходимое условие этого освобождения»³⁰. Сквозь призму этих представлений Петр Алексеевич рассматривал и между-

народные конфликты, деля воюющие стороны на угнетателей и борющихся за свою свободу. Эту логику И. С. Гроссман отмечал в его рассуждениях во время Первой балканской войны 1912—1913 гг., когда в одной из бесед Петр Алексеевич утверждал, «будто бы победы славян над Турцией и исчезновение Турции как государства должны приветствоваться как победа безгосударственности: мол, исчезло одно государство с лица земли...»³¹ Таким был в 1914 г. и его взгляд на события Первой мировой войны: «Одно только несомненно. Если восторжествует Германия, то война не только не будет освободительной: она привнесет Европе новое и еще более суровое порабощение. Правители Германии этого не скрывают. Они сами заявили, что начали войну с целями завоевательными...»³²

Мы считаем невозможным, однако, сводить факторы, вызвавшие к жизни оборончество, исключительно к личным симпатиям анархистов и влиянию идей теоретиков анархизма. Решающее значение для появления подобных настроений имели объективные причины, связанные с общим состоянием рабочего движения в России и странах Европы. Так, перед войной наметился упадок революционно-синдикалистских профсоюзов Франции, с которыми в то время большинство российских анархистов связывали надежды на успешный революционный переворот в Европе. Стабилизация уровня жизни, рост заработков, вызванные развитием промышленности, снизили радикализм тактики и требований забастовочной борьбы. Возросла тяга лидеров Всеобщей Конфедерации Труда к решению конфликтов путем переговоров, все большее влияние получало ее реформистское крыло³³. Наконец, во всех странах, вступивших в Первую мировую войну, массы захлестнула волна патриотических настроений, влиянию которых подверглись и анархисты. «Волна прошла и унесла нас»³⁴, вспоминал анархист П. Монатт. «Мы были полностью растерянными, потерявшиими голову. Почему? Потому что в тот момент рабочий класс Парижа, движимый сильнейшим приступом национализма, не оставил бы агентам полиции заботу нас расстрелять. Он нас расстрелял бы сам»³⁵, писал один из лидеров интернационалистской оппозиции в ВКТ, А. Меррдайм. Руководство ВКТ отказалось провозгласить стачку в ответ на начало войны, призвав рабочих «защищать нацию»³⁶. Но несомненно, что даже в случае ее провозглашения, стачка не имела бы успеха. Мощный патриотический подъем, сопровождавшийся массовыми демонстрациями

и антинемецкими погромами, наблюдался и в России. Как вспоминал позднее журналист-большевик А. Т. Радзищевский: «19 июля по старому стилю началась война, которая разбила все революционное настроение и ослабила его в огромной степени. Десятки тысяч рабочих и сотни тысяч горожан, которые раньше сочувствовали движению, были совершенно выбиты из колеи и покорно шли на призывающие пункты»³⁷. По данным, приведенным Ю. И. Кирьяновым, забастовки в России на 1914 г., в подавляющем большинстве, не носили антивоенного характера и были связаны с экономическими требованиями³⁸.

Позиция П. А. Кропоткина не получила серьезной поддержки ни среди анархистской эмиграции, ни на территории России. У оборонцев не было даже собственного печатного органа на русском языке. Из анархистских изданий лишь газета «Голос Труда» и журнал «Набат» изредка печатали их работы в рамках дискуссии. Не вели оборонцы и пропагандистскую работу. Причиной неприятия оборонческих идей, на наш взгляд, стали распространенные среди анархистов традиции противостояния государству и милитаризму. Кроме того, оборонческая позиция логически предусматривала хотя бы временное сотрудничество с царским режимом. А это, само по себе, было неприемлемо для многих представителей революционных кругов. Тем более, позиция оборонцев использовалась представителями власти в своих интересах. Так, например, анархист Н. Дрикер вспоминал, как в 1916 г. начальник Херсонского каторжного центра пытался сорвать забастовку заключенных, апеллируя к их патриотическим чувствам³⁹.

Примечания

¹ Кропоткин П. А. Речи бунтовщика. М., 2009. С. 42—43.

² Кропоткин П. А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 499.

³ Домела-Ньювангус [Домела-Ньюенгейс] Ф. Вопрос о милитаризме // Анархизм. Сборник. М., 1999. С. 235—237; Сандомирский Г. Б. Торжество антимилитаризма. С. 10—11.

⁴ Хлеб и Воля. 1904. № 8. С. 6.

⁵ Анархисты. Документы и материалы. 1883—1935 гг. Т. 1. М., 1998. С. 51.

⁶ Там же.

⁷ Коротич П. О. Российские анархисты в годы первой мировой войны: идеология, организация, тактика (1914—1918 гг.). Диссертация на соискание кандидата исторических наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2000. С. 51.

- ⁸ Анархисты. Документы и материалы. 1883—1935 гг. Т. 1. С. 584—586.
- ⁹ Шрейер П. Немецкие анархисты и война // Набат. Май—июнь 1915. № 2. С. 20.
- ¹⁰ Avrich P. Anarchist Portraits. Princeton University Press, Princeton, New Jersey. 1988. Р. 294.
- ¹¹ Кропоткин П. А. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. М., 1999. С. 704.
- ¹² Там же. С. 712.
- ¹³ Сандомирский Г. Б. Торжество антимилитаризма. (К истории анархистского движения). М., 1920. С. 3—4.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 5969. Оп. 2. Д. 28. Л. 74 об.
- ¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 79. Л. 64.
- ¹⁶ Сандомирский Г. Б. Торжество антимилитаризма. С. 42—43.
- ¹⁷ П. А. Кропоткин и его учение. Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П. А. Кропоткина. Под ред. Г. П. Максимова. Чикаго, 1931. С. 341—343.
- ¹⁸ Anarchistes en exil: Correspondance inédite de Pierre Kropotkine à Marie Goldsmith, 1897—1917. Paris, 1995. Р. 526.
- ¹⁹ А. А. [Андреев А. Н.] Поход анархистов // Свобода внутри нас. № 2. 18 октября 1918 г. С. 3.
- ²⁰ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 153—154.
- ²¹ Книжник И. С. Воспоминания о П. А. Кропоткине и об одной анархистской эмигрантской группе // Красная летопись. 1922. № 4. С. 35.
- ²² См.: Сандомирский Г. Б. Кропоткин и Франция // Пётр Кропоткин. Сборник статей. Пб.; М., 1922. С. 170—171; Пирумова Н. М. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972. С. 184—185; Петушкиова И. В. Петр Алексеевич Кропоткин и I Мировая война // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина. Вып. 2. М., 1997. С. 91; Костенко Д. Г. Оборончество Кропоткина в годы I мировой войны // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина. Вып. 3. М., 2001. С. 44—46.
- ²³ См., например: Бакунин М. А. Парижская коммуна и понятие о государственности // Бакунин М. А. Избранные сочинения. Т. 4. Пб., М., 1920. С. 247—266; Кропоткин П. А. Парижская коммуна // Кропоткин П. А. Речи бунтовщика. М., 2009. С. 63—73.
- ²⁴ Голос Труда. 1914. № 6. С. 3.
- ²⁵ См., например: К. [Гольдсмит М. И.] Бакунин и война // Голос труда. 13 ноября 1914. № 11. С. 1; Корн М. [Гольдсмит М. И.] Маркс, Бакунин и война // Голос труда. 25 июня 1915. № 41. С. 2; Голос труда. 2 июля 1915. № 42, С. 2; Кропоткин П. А. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. С. 705; Anarchistes en exil. Р. 494.
- ²⁶ Сандомирский Г. Б. Кропоткин и Франция. С. 171; Пирумова Н. М. Ук. соч. С. 184.
- ²⁷ Бакунин М. А. Анархия и Порядок: сочинения. М., 2000. С. 408.
- ²⁸ Дамье В. В. Анархизм и национальный вопрос в XIX—XX веках // Национальная идея на европейском пространстве в XX веке. Сб. ст. Т. 2. М., 2005. С. 204.
- ²⁹ Пьерро М. Кропоткин и война // П. А. Кропоткин и его учение. Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П. А. Кропоткина. Под ред. Г. П. Максимова. Чикаго, 1931. С. 163—164.
- ³⁰ Мкртичян А. А. «Всякого угнетателя личности я ненавижу» // Труды Комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. М., 1992. С. 3.
- ³¹ Гроссман-Рощин И. С. К критике основ учения П. А. Кропоткина // Красная новь. 1924. Кн. 2. С. 152.
- ³² Кропоткин П. А. Анархия, ее философия, ее идеал. С. 718—719.
- ³³ Дамье В. В. Забытый Интернационал. М., 2006. С. 47.
- ³⁴ Скирда А. Индивидуальная автономия и коллективная сила. Обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г. Париж, 2002. С. 129.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Дамье В. В. Забытый Интернационал. С. 47—48.
- ³⁷ Кириянов Ю. Н. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.) М., 2005. С. 40.
- ³⁸ Там же. С. 39—42.
- ³⁹ Дрикер Н. Херсонская каторга в дни войны // Каторга и ссылка: К истории рев. движения в России. Сборник. Киев, 1924. С. 73.

В. П. Сапон

НИЖЕГОРОДСКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ В 1914—1915 гг.: ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ

Накануне Первой мировой войны в Нижегородской губернии социал-демократическая работа велась в губернском центре (здесь действовала небольшая группа интеллигентов, высланных в Нижний Новгород из других городов), а также — наиболее активно — в рабочих пригородах Сормово и Канавино.

Большевичка А. И. Гулевич, приехавшая в Нижний Новгород вскоре после начала войны, обнаружила здесь полный развал социал-демократической организации. Вот как она описывала перестройку партийно-политической работы «горожан» после вовлечения Российской империи в мировую войну: «С началом войны в с. д. кружках Н[ижне]-

го]-Н[овгорода] повелись беседы относительно военного бюджета. Наша фракция всегда высказывалась против него. Некоторые из нас тогда говорили, что война будет недолгой, а некоторые уверяли, что она неизбежно идет на продолжение. [...] Работа велась среди широких масс города и среди военных частей; собрания у нас были довольно часто. Успешно работали мы среди солдаток, которые получали пособие за то, что их мужья убивались на фронте. [...] Характерно отметить то, что между Сормовом, Канавином и городом особенно крепкой связи не было, городская организация была слабой (курсив мой.— В. С.)»¹.

У сормовских и канавинских подпольщиков не сложились прочного сотрудничества с левой интеллигенцией², связь у местных ячеек с партийными центрами в стране и эмиграции также отсутствовала, поэтому формулировать свое отношение к войне рабочим-партийцам пришлось самостоятельно. Особенно сложно в условиях нарастающей патриотической волны пришлось сторонникам антивоенной ленинской линии.

Новости о политических событиях нижегородские рабочие, а также широкая публика, могли узнать из периодической печати, в частности из публикаций либеральной газеты «Нижегородский листок». Например, в конце июля здесь были опубликованы декларации представителей социалистов и либералов в Государственной думе, озвученные 26 июля 1914 года. Так, из данного материала нижегородцам стало известно, что А. Ф. Керенский от имени фракции трудовиков выразил «непоколебимую уверенность, что великая стихия российской демократии вместе со всеми другими силами дадут решительный отпор нападающему врагу, защитят свои родные земли и культуру, созданные потом и кровью поколений»³. Депутат В. И. Хаустов огласил заявление социал-демократов, «выражающее надежду и пожелание, что солидарные между собою социалистические силы всех стран сумеют найти в себе достаточно силы, чтобы превратить настоящую войну в последнюю вспышку милитаристического, капиталистического строя»⁴. Лидер кадетов П. Н. Милюков вызвал рукоплескания на всех скамьях своим решительным призывом: «Нам нужно сосредоточить все свои силы на защиту государства от внешнего врага, вознамерившегося столкнуть нас со своего пути к мировому господству. Наше дело — правое дело, мы ведем борьбу за освобождение нашей родины от

иноzemного нашествия, Европы и славянства от германского нашествия, германского преобладания и всего мира от невыносимого гнета, постоянно растущих вооружений. В этой борьбе мы все заодно, мы не ставим условий и требований, мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильников»⁵.

26 августа 1914 г. в той же газете появилась перепечатанная из «Русского Слова» заметка «Г. В. Плеханов о войне», которая дала вполне четкое представление об антипацифистской позиции патриарха русского марксизма. Читатель газеты узнал, что господин Плеханов «отозвался очень сочувственно о союзниках, заявил, что его симпатии всецело на стороне Троицкого согласия, борющегося с игом германского милитаризма. Что касается России, то ее война с Германией, по мнению Г. Плеханова, помимо всего прочего, есть экономическая необходимость, так как торговый договор, заключенный в 1904 г.,— вредный нарост на экономическом организме России, высасывающий из русского народа все соки»⁶.

Наконец, в начале ноября 1914 г. «Нижегородский листок» поместил на своих страницах официальное сообщение об аресте депутатов думской социал-демократической фракции, которые, по убеждению властей, «поставили целью своей деятельности поколебать военную мощь России путем агитации против войны посредством подпольных возвзваний и устной пропаганды»⁷. Это совершиенно особое положение депутатов-большевиков противопоставлялось позиции русского народа, который «с самого начала войны, объединившись в сознании необходимости защитить достоинство и целость родины, дружно, с патриотическим подъемом помогал государственной власти в осуществлении ее задач, вызванных военными действиями»⁸.

Вероятно, на начальном этапе войны именно такого рода сведения и формировали патриотическую политко-мировоззренческую атмосферу в российской провинции, как в рабочих массах в целом, так и в среде социал-демократов. В некоторых исследованиях советского периода отмечалось, что уже осенью 1914 г. сормовские большевики получили написанные В. И. Лениным тезисы о войне, а также Манифест ЦК РСДРП «Война и Российская социал-демократия», которые дали им «ясное понимание обстановки, определили программу их деятельности и тактическую линию»⁹. В то же время осведомленные жандармские чины свидетельствовали, что лишь к февралю 1915 г. в распоряже-

нии нижегородских подпольщиков оказался документ, определяющий позицию партии (точнее, ее большевистской фракции) по отношению к развернувшейся войне: это был «Ответ русских социал-демократов на речь Вандервельде», привезенный Е. И. Федоровой из Петрограда¹⁰. В свою очередь член Сормовского комитета РСДРП А. И. Писарев утверждал: «До весны 15-го года организация совершенно была изолированной от партийных центров, не пришлось установить связи и с другими организациями большевистского подполья. В первое время после объявления войны мы не знали поэтому, как реагируют на нее наши партийные центры и каково [их] отношение к ней»¹¹. Поэтому партийные рабочие — сормовичи и канавинцы — получили полную свободу действий при выработке своих взглядов на столь важную политическую проблему.

Инициатором процесса «объединения и восстановления» пришедшей в упадок партийной работы в Сормове стал конторщик А. И. Писарев. Первоначально здесь рабочие — социал-демократы «собирались в различных квартирах в количестве 4—5 чел., где обсуждали современное положение, намечали свою дальнейшую деятельность и вербовали членов. Расширение кружка шло очень медленно, и более широкие собрания обычно не могли состояться за малочисленностью явившихся на них»¹². Именно из этого кружка через какое-то время выделился руководящий социал-демократический «коллектив», в который вошли: А. И. Монахов, А. И. Писарев, М. Н. Тюрин, Д. Г. Латышов и другие — всего 7 или 8 человек¹³.

Сормовский социал-демократический комитет созвал «кузкую» партконференцию с участием представителей от Нижнего Новгорода (А. Б. Заходер) и Канавина (Е. Н. Козин). С докладами выступили «пораженец» В. П. Волков (выявленный позднее как сотрудник жандармского ведомства) и «оборонец» А. Б. Заходер. Большинство участников конференции высказалось за всемерное противодействие войне, отмежевавшись как от оборончества, так и от примиренческой тактики Е. Н. Козина¹⁴.

Вот как этот эпизод отражен в неопубликованных воспоминаниях меньшевика Г. И. Юрлова. «Во время империалистической войны, в августе месяце 1914 года, по инициативе партии РСДР (большевиков) созвано было собрание по вопросу отношения к войне. Собрание со-

стоялось, на котором присутствовало около 40 партийных товарищей. Причем на собрание прибыло из города товарищ 5.

Собрание проходило под открытым небом на сормовской дамбе. [...] В данной котловине собрание протекало приблизительно около 5 часов. Прения сторон велись [об] отношении к войне партии при высоком напряжении сторон в доказательство своей правоты. Я помню слова т. Заходера, который указывал бесполезность делать выступления рабочих против войны, так как буржуазия использует всякую неудачу на фронте не в пользу рабочих. Тем самым будет переложена на головы рабочих вся вина за фронтовую неудачу и проигрыш России войне, что, мол, и было в Японскую войну»¹⁵. По версии Г. И. Юрлова, после эмоциональных прений не было принято никаких резолюций, тем не менее, вопрос об отношении к войне в очередной раз развел в разные стороны местных большевиков и меньшевиков.

«После этой конференции,— вспоминал большевик А. И. Монахов,— от нас ушла порядочная часть членов организации во главе с Норкиным, Чуфыркиным и Березиным. Несмотря на это, наша организация стала сильна не количественно, а качественно, и мы повели жестокую борьбу с ликвидаторами. Силы ликвидаторов увеличились приглашением в [Сормовскую] большничную кассу бухгалтера, видного и развитого меньшевика Быховского. С своей стороны, и наша часть пополнилась активными большевиками, высланными из Петрограда: тт. С. Козлов, Н. Мизикин, Тихомиров, Г. Пылаев, Австриец Петров и Ф. Филиппов, которых всех взяли на работу в большничную кассу»¹⁶.

На упомянутой выше конференции А. И. Писарев получил поручение подготовить доклад об отношении к войне для намеченного в скором времени общего собрания Сормовской социал-демократической организации. Для выполнения задания он использовал разного рода легальные издания (в частности, журнал «Современный мир»), которые позволили ему, «несмотря на их направление, [...] извлечь необходимые факты и воспользоваться ими для своего доклада»¹⁷. Вскоре в лесу, за Волгой состоялась «широкая» конференция, на которой А. И. Писарев зачитал доклад на тему «Наше отношение к войне и дальнейшие задачи партийной работы». Подавляющее большинство участников высказались за пораженческую тактику¹⁸.

Впрочем, рассчитывать на поддержку антивоенной позиции в proletарской среде в первые месяцы войны не приходилось. Перед рож-

дественскими праздниками 1914 года Сормовский комитет РСДРП намеревался отпечатать прокламации с протестом против судебного преследования социал-демократов — депутатов Государственной думы, а также против войны, однако отказался от этого замысла, не надеясь на сочувствие рабочих. Более того, «вести агитацию против войны было очень опасно»¹⁹. Губернское жандармское начальство объясняло такую политическую позицию рабочих тем, что они «службой на заводе освобождаются от призыва на военную службу, почему дорожат местом и не будут выступать активно»²⁰.

Активисты-большевики, в свою очередь, связывали свою первоначальную политическую неудачу с «глазорным идеологическим преобладанием меньшевиков над массами»²¹. «В начале империалистической войны,— отмечал большевик П. А. Комаров,— меньшевики всеми силами старались внедрить в сознание рабочих, что настоящая война есть война национально-оборонительная и что задачи рабочего класса в этот критический для “родины” момент должны сводиться не к обострению классовой борьбы и не к категорическому требованию изменения политического строя, а, наоборот,— к классовому единству и пр. Влияние подобной агитации сказалось даже на т[оварищах], выдавших виды [...] Поэтому об остальной массе рабочих, навербованных из чужого элемента, говорить не приходится»²². Патриотически настроенное большинство нижегородского пролетариата на этом этапе проявило равнодушие не только к революционным лозунгам, но и к стачечным методам борьбы за экономические интересы.

Примечания

¹ Гулевич А. Нижний-Новгород в 1914 г. // Материалы по истории революционного движения. Под ред. В. Т. Илларионова. Н. Новгород, 1922. Т. 4. С. 153.

² Подробнее см.: Сапон В. П. Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период): Монография. Н. Новгород, 2014. С. 25—31.

³ Государственная Дума. Окончание заседания 26 июля // Нижегородский листок (далее — НЛ). 1914. № 203. (28 июля). С. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Г. В. Плеханов о войне // НЛ. 1914. № 232 (26 августа). С. 4.

⁷ К аресту депутатов с.-д. фракции Г. Думы // НЛ. 1914. № 307 (9 ноября). С. 3.

⁸ Там же.

⁹ Маслов К. П. Из истории борьбы рабочего класса за власть Советов и ее упрочение. «Красное Сормово» на великом рубеже. Горький, 1964. С. 21—22. См. также: Горьковская областная организация КПСС: Хроника. Книга 1-я. 1883 — май 1941 г. Сост.— научн. ред. В. А. Казаков. Горький, 1989. С. 121.

¹⁰ См.: Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии (1907 — февраль 1917 г.). Под ред. В. П. Фадеева. Горький, 1917. С. 244.

¹¹ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее — ГОПАНО). Ф. 1866. Оп. 2. Д. 613. Л. 3 об.—4.

¹² Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии (1907 — февраль 1917 г.). С. 243.

¹³ Мы указываем только четыре фамилии, которые совпадают во всех источниках и исследованиях. Относительно других членов руководящего органа сормовских социал-демократов, сформировавшегося на начальном этапе Первой мировой войны, есть разнотечения. См.: Сапон В. П. Указ. соч. С. 45—46.

¹⁴ ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 2. Д. 580. Л. 3 об.— А. И. Писарев в этой связи писал не о партконференции, а о заседании Сормовского комитета РСДРП, который принципиально высказался «против войны и за энергичную работу против шовинизма и за разъяснение рабочим истинной подкладки войны путем индивидуальной агитации, листовок, устройства митингов и проч.» (см.: ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 2. Д. 613. Л. 5).

¹⁵ ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 2. Д. 900. Л. 2 об.—3.

¹⁶ ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 2. Д. 499. Л. 26.

¹⁷ ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 2. Д. 613. Л. 5.

¹⁸ ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 2. Д. 580. Л. 3 об.— А. И. Писарев утверждал, что на собрании за Волгой присутствовало 30 человек; «после дискуссии при голосовании только один голосовал против, а остальные все за непримиримую войну против войны» (см.: ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 2. Д. 613. Л. 5 об.).

¹⁹ ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 2. Д. 613. Л. 4.

²⁰ Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии (1907—1917 гг.). С. 238.

²¹ ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 2. Д. 358. Л. 10.

²² ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 2. Д. 358. Л. 10. См. также: Премудров [П. К.] Сормово в период империалистической войны // Материалы по истории революционного движения. Т. 4. С. 151—152.

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО НАКАНУНЕ ВТОРОЙ
РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917—1921 гг.
(по материалам перлюстрации)**

Нами была изучена 121 выписка из частной корреспонденции за период с октября 1916 г. по 23 февраля 1917 г. Среди авторов писем 26 членов IV Государственной думы (4 — правые, 8 — фракция националистов, 4 — октябристы, 10 — кадеты), 25 общественных деятелей (от крайне правых до кадетов), 8 военных (генерал-лейтенанты Э. В. Экк, И. Г. Эрдели и другие), 12 чиновников (товарищ обер-прокурора Синода Н. Д. Жевахов, вице-губернатор Семипалатинской области Г. А. Савримович, начальник Владивостокского порта Г. Н. Таубе и др.) и 50 лиц, не входивших в вышеперечисленные категории. Таким образом, Департамент полиции (ДП) отслеживал настроения как либерального, так и правого политических направлений, а также высшей бюрократии.

Тема деятельности верховной власти и ее структур присутствует в 90 письмах из 121 (74,4 % всей переписки). Независимо от политической позиции, ни один из корреспондентов не оценивал положительно деятельность правительства. Прежде всего, его упрекали за экономическое положение. А. Бобров из Петрограда 19 октября 1916 г. сообщал в Москву: «Рабочие готовят забастовку не ради бунта, а из-за голода. День-деньской — хвосты»¹. Священник С. Базилевич (Черниговская губерния) 2 декабря 1916 г. жаловался родственнику: «Цены, как на предметы потребления, так и на рабочие руки поднялись невероятно. ... Куда же ведет страну правительство»² — Житель Кутаиси Бараташвили 7 февраля 1917 г. утверждал: «Мы накануне полного экономического расстройства: весною нечем будет кормить многомиллионную армию, да и самих нас одолеет голод. В Кутаисской губернии положение уже сейчас очень тревожное»³.

Личный состав правительства также не пользовался популярностью. Депутат Думы, октябрист А. Н. Аносов так комментировал назначение 30 ноября 1916 г. Государственным контролером С. Г. Феодосьева: «Это типичное назначение последнего времени: ни в чем не сведущ и готов идти на все, что только прикажут»⁴. Начальник Владивостокского порта Г. Н. Таубе 2 декабря 1916 г. именовал правительст-

во «разъединенным»⁵. Наибольшее раздражение вызывал последний министр внутренних дел А. Д. Протопопов. Великий князь Николай Михайлович писал 7 февраля 1917 г. князю Б. А. Куракину: «Этот Протопопов, если он останется у кормила правления, может легко погубить и Россию, и Государя»⁶.

В переписке все чаще звучало недовольство продолжением войны. Из Рыбинска 5 декабря 1916 г. было направлено письмо председателю Думы М. В. Родзянко от имени более двухсот «граждан Рыбинска и Рыбинского уезда» в связи с немецкими предложениями о мире. Здесь, в частности, говорилось: «При теперешнем положении, при теперешней разрухе, продовольственной неурядице, при теперешнем голоде и холоде — мы не в состоянии вести войну. ... Народ желает, чтобы, пока не поздно, был заключен мир»⁷. Эмоционально протестовал против войны в письме А. Ф. Керенскому от 3 декабря 1916 г. крестьянин М. Новиков, предупреждая, что «народ пойдет за теми из вас, которые первые будут иметь мужество требовать мира»⁸.

Почти треть авторов считала решающим фактором происходившего экономического и политического кризиса роль т. н. «темных сил», вкладывая в это понятие различное содержание. Значительная часть понимала под этим действия «немецких агентов». Следующим по частоте упоминания представителем «темных сил» был Г. Е. Распутин. Генерал-лейтенант И. Г. Эрдели писал 18 ноября 1916 г. о внутренней разрухе и заключал: «ничего удивительного ..., если управляет Гришка Распутин»⁹. Некоторые авторы не скрывали разочарования в русском народе. Протоиерей И. И. Восторгов 26 октября 1916 г. жаловался: «Наш народ сверху и донизу стал хулиганом»¹⁰. На 121 перлюстрированную выписку есть только одна, исполненная оптимизма.

Более 20 % выписок содержат предчувствие надвигающегося краха и революции. Это настроение было присуще представителям всего политического спектра. 4 октября 1916 г. И. И. Восторгов писал члену Совета при министре внутренних дел Н. Ч. Зайончковскому: «Под наими зияющая бездна. ... В кровавом зареве закатываются дни наши»¹¹. Флигель-адъютант Н. В. Поливанов 4 декабря 1916 г. из Тифлиса констатировал: «Дальше идти некуда»¹². М. В. Родзянко писал в Орел 26 декабря 1916 г.: «Мы накануне таких событий, которых еще не переживала ... святая Русь, и нас ведут в такие дебри, из которых нет возврата»¹³. Бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков 20 января

1917 г. делился с адресатом: «Был я у Государя и Императрицы. ... очень хочется Им помочь, и так неудержимо роковым ходом всякая помощь становится все менее вероятной и возможной»¹⁴.

Таким образом, перлюстрированная переписка подтверждает, что на рубеже 1917 г. правительство утратило доверие политически активных слоев населения. Политика полумер делала все более неизбежным стихийный революционный взрыв, поводом к которому могли стать различные конкретные события. 23 февраля 1917 г. депутат Думы, член фракции правыхprotoиерей И. М. Гвоздев писал отцу в родную Вологду: «Ты пишешь, что в Вологде тревожно и все чего-то ждут ... это всеобщее настроение в России, и оно естественно при современном положении Отечества»¹⁵. Именно в эти часы ожидание сменялось тем потрясением, которого ждали и надеялись избежать.

Примечания

¹ Ганелин Р. Ш. Государственная дума и правительственные власти в перлюстрированной переписке кануна 1917 года // Отечественная история. 1997. № 1. С. 152.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1983. Л. 29.

³ Там же. Л. 58.

⁴ Там же. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 27.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 14676. Оп. 1. Д. 1003. Л. 87 об.

⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1983. Л. 47.

⁸ Там же. Л. 35—35 об.

⁹ Там же. Л. 17.

¹⁰ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах / Публ. Ю. И. Кирьянова // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 79.

¹¹ Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 151.

¹² РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1983. Л. 40.

¹³ Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 156.

¹⁴ Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 94.

¹⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1983. Л. 69.

М. Б. Конашев

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ПРООБРАЗ И ПРОЛОГ ПОСЛЕДНЕЙ

В постсоветской России при анализе современных военных конфликтов, их причин и той или иной практической политики, которая может привести, или уже привела к войне, к марксизму и марксистскому объяснению того, что есть война, почему происходят войны, что нужно для того, чтобы их предотвратить и исключить, наконец, навсегда, не обращаются, и даже о таковых не упоминают. Разумеется, не случайно. Ведь согласно марксизму война есть объективное и естественное проявление самой сущности капитализма, неизбежное следствие его существования и развития, одно из основных средств капиталистической политики. Более того, это марксистское понимание и объяснение капитализма позволяет предсказывать войны и довольно точно предупреждать об их начале: либо еще лишь возможном, либо уже неизбежном.

Примеров тому можно было бы привести немало. Ограничимся лишь одним, имеющим прямое отношение к Первой мировой войне, которая была предсказана Ф. Энгельсом благодаря пониманию капитализма и новым (для конца XIX в.) тенденциям его развития. В марте 1889 г., почти за двадцать пять лет до ее начала, Ф. Энгельс писал П. Лафаргу, что его приводит в ужас то, что грядущая война окажется такой, «в которой будет от 10 до 15 миллионов сражающихся; которая произведет неслыханное опустошение только для того, чтобы их прокормить; война, которая вызовет насилиственное и всеобщее подавление нашего движения, обострение шовинизма во всех странах и, в конце концов, ослабление в десять раз худшее, чем после 1815 года, период реакции, основанный на истощении всех народов, совершенно обескровленных,— все это против очень незначительного шанса, что эта ожесточенная война приведет к революции. Особенно страшно за наше движение в Германии, которое было бы сломлено, раздавлено, разгромлено силой, в то время как мир даст нам почти верную победу»¹.

Определение войны, согласно которому война есть просто продолжение политики другими (именно насилиственными) средствами, приводится многими современными авторами, в частности, одним из авто-

ров концепции новейшей национальной идеи, принятой и реализуемой российским государством в качестве составной и неотъемлемой части «плана Путина»². На первый взгляд, как подчеркивал В. И. Ленин, «именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как продолжение политики данных, заинтересованных держав — разных классов внутри них — в данное время»³. Но разница в том, что и классики марксизма, и В. И. Ленин, в отличие от многих своих современников и многих современных российских и зарубежных авторов, рассматривавших войну как данность, как неотъемлемую часть мирового порядка и мира, предлагали такую политику, которая бы позволила предотвратить или остановить войну. Следовательно, совершенно недостаточно признать и записать, как это делается в любом отечественном или зарубежном энциклопедическом словаре, что война — это «организованная вооруженная борьба между государствами, нациями (народами), социальными группами»⁴. Нужно еще дать адекватное объяснение феномену войны и предложить исторически конкретные и реальные средства предотвращения войны и исключения самой возможности войны в настоящем и будущем. Именно такой подход остается актуальным и сегодня.

В результате исследования дальнейшего развития капитализма и его противоречий начала XX в. В. И. Ленин выделил основные признаки империализма, а именно, 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банковского капитала с промышленным и создание на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир; 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами, и дал следующее его определение: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»⁵. Основным при этом В. И. Ленин считал именно господство монополий: «Если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало

бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма»⁶.

Выводы Ф. Энгельса и В. И. Ленина до сих пор актуальны и, как ни странно это может кому-то показаться, приложимы, разумеется, с соответствующими поправками, и к современному капитализму. В том числе, в отношении главного: неизбежного порождения капитализмом все новых и новых войн как последнего, а часто, и единственного из оставшихся в его арсенале, способа разрешения объективных противоречий собственного развития. Всего один современный пример, подтверждающий это — уже нашумевшая борьба за Арктику, которая при определенных условиях может перейти и в военную fazu, и которая является борьбой за источники сырья, новые сферы приложения капитала и, в конечном итоге, за новый geopolитический передел мира.

Если же перечислить основные признаки современного «глобального», то есть мирового капитализма, исходя из тех выводов, которые сделаны в результате его исследования отечественными и зарубежными авторами, при этом сохраняя преемственность с теми признаками империализма, которые были выделены В. И. Лениным, то, наверное, можно свести их к следующим: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала транснациональные сверхмонополии, играющие решающую роль в национальной и мировой хозяйственной жизни; 2) подчинение транснациональному финансовому капиталу и транснациональной финансовой олигархии всех остальных видов капитала и буржуазных политических сил, включая национальные правительства; 3) приобретение решающего значения диктатом и ничем не ограниченным перемещением финансового капитала; 4) образование сверхмонополистических транснациональных союзов капиталистов, заново делящих всемирный рынок и мир; 5) новый территориальный передел земли между крупнейшими капиталистическими державами. Тогда на их основе получается такое определение современного капитализма как новейшей стадии его эволюции: «Глобальный» капитализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство сверхмонополий (транснациональных монополий) и транснационального финансового капитала, приобрел решающее значение диктат и ничем не ограниченное перемещение этого капитала, начался передел глобального рынка и мира между транснациональными компаниями и новый передел всей

территории земли крупнейшими капиталистическими странами, в первую очередь США. Краткое же его определение будет таким: «Глобальный» капитализм есть сверхмонополистическая (транснациональная) стадия капитализма.

Верны и некоторые другие положения и даже лозунги классиков марксизма. В частности, лозунг В. И. Ленина превращения капиталистической войны в войну гражданскую. Причем, сам капитализм заинтересован в его реализации и уже превращает, на свой, правда, лад, развязываемые им войны в войны гражданские. Всем известные примеры, которые можно обозначить, просто называя страны: Сербия, Ирак, Ливия, Сирия, на подходе Украины⁷. Предвестником и прологом таких войн являются революции навыворот, т. е. так называемые «цветные революции», включая «арабскую весну». Современный империализм взял на вооружение и активно использует, адаптируя их к своим целям, инструменты, ранее применявшиеся революционерами всех видов, включая буржуазных радикалов. Антимонархический терроризм, в т. ч. народников, стал так называемым международным терроризмом, а «восстания масс» — проверенным средством разрушения негодных государств и обществ.

В этом смысле первой «цветной революцией» была «революция» 1991, проложившая дорогу развалу СССР, реставрации капитализма и первым гражданским войнам в бывших советских республиках.

Таким образом, можно вчерне определить какой будет III мировая война. На самом деле, она уже идет и является продолжением и трансформацией «Холодной войны». Победители продолжают делить между собой добычу, и один из них устанавливает свою гегемонию. Основные черты III мировой войны, одна из которых, уже была названа выше, таковы:

1. Это перманентная война, идущая постоянно, и проявляющаяся в виде отдельных локальных межгосударственных и межальянсовых войн, часто в виде «гуманитарного вторжения» или «вторжения изнутри» в форме «цветных революций».

2. Эти «неовторжения», как правило, заканчиваются гражданскими войнами, приводящими к разрушению и дроблению прежних государств, к переводу их или возвращению заново в полуколониальное состояние, т. е. являются средством установления и развития системы неоколониализма.

3. Это, прежде всего, информационная война, предваряющая, сопровождающая и завершающая, а иногда и почти целиком заменяющая (если этого достаточно) физическую или традиционную войну.

4. Это «невидимая» война, т. е. выдаваемая именно за отдельные, якобы никак не связанные между собой, локальные конфликты, а не признаваемая как всеобщий и постоянный процесс, что выгодно тем, кто ее ведет.

5. Это образование новых блоков, но в основном не между странами, а между международными финансовыми и иными группами.

6. Эта война порождает две взаимосвязанные и противоречивые тенденции формирования: неофашизма и неокоммунизма.

7. Это, вероятно, будет последняя мировая война, которая породит мировую революцию и закончится ею, и которая будет тем процессом, когда капитализм будет умирать в агониях сети малых, средних и больших, в первую очередь, гражданских войн, приводя к неототалитаризму или к неореволюциям и неосоциализму, когда стремление трудящихся и всех простых людей к миру, их борьба за мир окажется одним из наиболее важных, если не самым важным фактором, который определит судьбу мира. Поэтому именно они, трудящиеся, могут стать и станут той главной мировой социальной и политической силой, благодаря которой удастся предотвратить мировую военную катастрофу, или остановить ее, если она все-таки начнется, через упреждающую («превентивную» по капиталистической терминологии) мировую революцию.

Примечания

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 37, С. 140.

² См.: Панарин И. Н., Панарина Л. Г. Информационная война и мир. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 4.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 224.

⁴ Война // Российский энциклопедический словарь.
<http://www.rubricon.com/qe.asp?qtype=6&id=-1&aid=F69DF79-A423-43D1-8673-2453D3A8F0F0>

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 386—387.

⁶ Там же. С. 386.

⁷ Скорее всего, когда данный текст будет напечатан, так называемый «украинский кризис» уже завершится тем или иным образом. Не исключено, что и вооруженным путем, в том числе через гражданскую войну или ее подобие с

привлечением иностранных наемников и вмешательством (в том или ином виде и степени) НАТО и России на стороне киевского режима и «восставшего Юго-Востока» Украины, соответственно. Вероятно, в конечном итоге, все будет зависеть от того, на чью сторону встанут украинские военные. Несомненно одно: если победу одержит «восставший Юго-Восток», само дальнейшее существование НАТО окажется под большим вопросом. На Западе некоторые это поняли еще тогда, когда многим сама возможность «восстания Юго-Востока» Украины казалась не более чем фантазией. См. например: Telegraph: На полях Украины решается судьба НАТО // <http://russian.rt.com/inotv/2014-03-02/Telegraph-Na-polyah-Ukraini-reshaetsya> 02.04.2014.

Список авторов

- Борозняк Александр Иванович** — д.и.н., проф. Липецкого государственного педагогического университета, Липецк
- Вашкау Нина Эмильевна** — д.и.н., проф. Липецкого государственного педагогического университета, Липецк
- Герд Лора Александровна** — д.и.н., вед. научн. сотр. Санкт-Петербургского института истории РАН, Петербург
- Измозик Владлен Семенович** — д.и.н., проф. Северо-западного государственного заочного технического университета, Петербург
- Калашников Владимир Валерьевич** — д.и.н., проф., зав. кафедрой истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, Петербург
- Kössler Reinhart** — Ph D., prof. Arnold Bergstraesser Institute, Freiburg, Germany
- Кнорринг Вера Вадимовна** — к.и.н., вед. библ. Отдела литератур стран Азии и Африки Российской национальной библиотеки, Петербург
- Конашев Михаил Борисович** — д.ф.н., главн. научн. сотр. Института истории естествознания и техники РАН, Петербург
- Куренышев Андрей Александрович** — д.и.н., проф. Академии гражданской защиты МЧС России, Москва
- Любин Валерий Петрович** — д.и.н., проф., вед. научн. сотр. ИНИОН РАН, Москва
- Рублев Дмитрий Иванович** — к.и.н., доц. Российского государственного аграрного университета — МСХА имени К. А. Тимирязева, Москва
- Рудык Эмиль Николаевич** — д.э.н., проф. Международного университета природы, общества и человека «Дубна» (Московская область), Москва
- Сакамото Хироси** — докт. филос. Университет Хусей, Токио
- Сапон Владимир Петрович** — д.и.н., проф. Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина, Нижний Новгород

- Стогов Дмитрий Игоревич** — к.и.н., ассистент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Петербург
- Филимонова Татьяна Ивановна** — к.и.н., зав. Домом Плеханова Российской национальной библиотеки, Петербург
- Хайлова Нина Борисовна** — к.и.н., вед. научн. сотр. Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, ст. научн. сотр. Института российской истории РАН, Москва
- Ханин Гирш Ицыкович** — д.э.н., проф. Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск
- Чернобаев Анатолий Александрович** — д.и.н., проф., главный редактор журнала «Исторический архив», Москва
- Шевченко Владимир Николаевич** — д.ф.н., проф., Институт философии ФАНО (РАН), Москва
- Шульгин Владимир Николаевич** — д.и.н., проф. Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград
- Эпштейн Давид Беркович** — д.э.н., проф., С3 НИЭСХ РАСХН, Петербург